

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ
НАРОДНАЯ УКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

День науки в НУА

**НАУКА В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ: ИННОВАЦИОННЫЕ
ПОДХОДЫ И РЕШЕНИЯ**

ПРОГРАММА И МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

13–14 апреля 2012 года

Харьков
Издательство НУА
2012

УДК 001-057.4-053.81:378(477.54)(063)
ББК 74.584(4УКР-4ХАР)я431+72.6(4УКР-4ХАР)я431
НЗ4

Редакционная коллегия: *В. И. Астахова*, д-р ист. наук, проф.;
Е. В. Астахова, д-р ист. наук, проф.; *Е. М. Воробьев*, д-р экон. наук,
проф.; *Е. Г. Михайлева*, д-р социол. наук, проф.; *Е. А. Подольская*,
д-р социол. наук, проф.; *В. Ф. Сухина*, д-р филос. наук, проф.;
И. С. Шевченко, д-р филол. наук, проф.; *О. Л. Яременко*, д-р экон.
наук, проф.

У збірнику наведено матеріали наукових пошуків молодих учених з актуальних проблем наукового осмислення процесів розвитку економіки, культури й освіти в контексті інноваційних перетворень усіх сфер суспільства.

НЗ4 **Наука в современном обществе: инновационные подходы и решения** : программа и материалы науч.-теорет. конф. молодых ученых, [Харьков], 13–14 апр. 2012 г. / М-во образования и науки, молодежи и спорта Украины, Нар. укр. акад. ; [редкол.: В. И. Астахова и др.]. – Харьков : Изд-во НУА, 2012. – 108 с. – (День науки в НУА).

В сборнике представлены материалы научных поисков молодых ученых по актуальным проблемам научного осмысления процессов развития экономики, культуры и образования в контексте инновационных преобразований всех сфер общества.

УДК 001-057.4-053.81:378(477.54)(063)
ББК 74.584(4УКР-4ХАР)я431+72.6(4УКР-4ХАР)я431

© Народная украинская академия, 2012

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Руководящая группа:

- Деменко О. И.** – председатель оргкомитета, начальник управления образования Департамента по гуманитарным вопросам Харьковского городского совета;
- Астахова Е. В.** – заместитель председателя оргкомитета, ректор Народной украинской академии, д-р ист. наук, профессор;
- Пастухова О. В.** – ученый секретарь конференции, начальник отдела научно-исследовательской работы Народной украинской академии.

Члены оргкомитета:

- Астахова Е. В. (мл.)** – председатель Ассоциации молодых ученых НУА, канд. экон. наук, доц.;
- Гайков А. А.** – проректор по учебно-методической работе Народной украинской академии, канд. ист. наук, проф.;
- Козыренко В. П.** – проректор по информационным технологиям Народной украинской академии, канд. техн. наук, доц.;
- Михайлева Е. Г.** – проректор по научно-исследовательской работе Народной украинской академии, д-р социол. наук, проф.;
- Подлесный Д. В.** – заместитель председателя Ассоциации молодых ученых НУА, канд. ист. наук;
- Чибисова Н. Г.** – проректор по научно-педагогической работе и воспитанию Народной украинской академии, канд. филос. наук, проф.

РЕГЛАМЕНТ

13 апреля 2012 года

пятница

- 16-30 – 17-00 Регистрация участников (возле конференц-зала)
17-00 – 19-00 Круглый стол о роли науки и ученых в современном обществе, обмен результатами научных исследований в рамках профильных научных тем
19-00 – 19-15 Подведение итогов круглого стола

14 апреля 2012 года

суббота

- 10-00 – 12-00 Пленарное заседание в рамках Дня науки в НУА (актовый зал)
12-00 – 12-30 Перерыв
12-30 – 14-00 Работа секций (доклады – до 10 мин, сообщения – 5–7 мин)
14-00 – 15-00 Перерыв на обед
15-00 – 16-30 Продолжение работы секций
16-45 – 17-30 Заключительное пленарное заседание. Подведение итогов работы конференции (актовый зал). Награждение за лучшие доклады

РАБОТА КОНФЕРЕНЦИИ

13 апреля

Конференц-зал

17-00 –19-00

Открытие научно-теоретической конференции молодых ученых «**Наука в современном обществе: инновационные подходы и решения**» в рамках **Дня науки в НУА**
Астахова Е. В., ректор Народной украинской академии, д-р ист. наук, профессор

Конференцию ведут:

д-р социол. наук, проф. **Подольская Е. А.**,
зав. каф. философии и гуманитарных дисциплин,
Народная украинская академия;

д-р социол. наук, проф. **Михайлева Е. Г.**,
проректор по научно-исследовательской работе,
Народная украинская академия;

канд. полит. наук, доц. **Быстрянец С. Б.**,
Санкт-Петербургский государственный
университет экономики и финансов;

канд. экон. наук, проф. **Астахова Е. В. (мл.)**,
председатель Ассоциации молодых ученых,
Народная украинская академия

Секретарь аспирант **Пастухова О. В.**
Народная украинская академия

ДОКЛАДЫ

Быстрянец С. Б. «Зворотний бік вітру», або що
канд. полит. наук, доцент ховається за цікавістю вчених
Санкт-Петербургский
государственный
университет экономики
и финансов

Дыбина А. В. Роль науки в современном
аспирант, преподаватель обществе: онтологический подход
кафедры германской
и романской филологии
Народная украинская
академия

Научный руководитель доц. *Лазаренко О. В.*

Квитка Э. Е. Образование как фактор
аспирант, преподаватель конкурентоспособности
кафедры экономической национальной экономики
теории и права
Народная украинская
академия

Научный руководитель проф. *Довгаль Е. А.*

Гога Н. П. Роль акцентуаций характера
аспирант, преподаватель в формировании взаимоотношений
кафедры общей преподавателей – студентов
и прикладной психологии (на основе исследований
Народная украинская студентов-филологов)
академия

Научный руководитель проф. *Головнева И. В.*

Бескобильна Н. М. Застосування нової моделі
викладач кафедри комунікативного методу викладання
германської іноземних мов
та романської філології
Народна українська
академія

Науковий керівник доц. *Яріз Є. М.*

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ. УЧАСТИЕ В ДИСКУССИИ

Социально-гуманитарные векторы осмысления инновационных процессов в социуме

Банникова Е. Б.

аспирант кафедры
социологии

Народная украинская
академия

Инновации и организационная
культура

Научный руководитель проф. *Михайлева Е. Г.*

Демидов А. М.

канд. полит. наук,
ассистент кафедры
истории и политологии
Санкт-Петербургский
государственный
университет
экономики и финансов

Влияние этнических матриц
на развитие политических
институтов

Куцевляк Е. С.

аспирант кафедры
социологии
Народная украинская
академия

Основные проблемы
трудоустройства молодых
специалистов на рынке труда

Научный руководитель проф. *Михайлева Е. Г.*

Мудрак М. Ю.

аспирант кафедры
социологии
Народная украинская
академия

Мобильность студента в глобальном
мире

Научный руководитель проф. *Подольская Е. А.*

Недогонов Д. В.
канд. социол. наук,
преподаватель кафедры
социологии
Народная украинская
академия

Инновации в условиях новых
социальных реалий

Пастухова О. В.
аспирант кафедры
социологии,
начальник отдела НИР
Народная украинская
академия

Элементы социального капитала
организации: роль в формировании
мотивации работников

Научный руководитель проф. *Михайлева Е. Г.*

Подлесный Д. В.
канд. ист. наук,
ст. преподаватель
кафедры философии
и гуманитарных дисциплин
Народная украинская
академия

Научная деятельность высшей
школы Украины в период Революции
и Гражданской войны

Стахова З. В.
аспирант кафедры общей
и прикладной психологии
Народная украинская
академия

Учет психологических особенностей
личности сотрудников в организации
корпоративного обучения в компании

Научный руководитель проф. *Головнева И. В.*

Шевченко Д. Е.
аспирант кафедры общей
и прикладной психологии
Народная украинская
академия

Психологические особенности
мотивационно-потребностной сферы
личности IT-специалистов

Научный руководитель проф. *Головнева И. В.*

Шкурапет Н. И.
аспирант кафедры
социологии
Народная украинская
академия

Влияние семьи на формирование
стереотипов здоровьесформирующего
поведения детей школьного возраста

Научный руководитель проф. *Михайлева Е. Г.*

Проблемы экономики и права в контексте инновационного развития современного общества

Астахова Е. В. (мл.)
канд. экон. наук,
доцент кафедры
экономической теории
и права
Народная украинская
академия

Экономический рост государства
и образование: особенности
взаимозависимости

Dias Shamini
Glaremont Graduate
University

Adaptive Teaching for the Creative
Knowledge Economy

Дурандина О. В.
преподаватель кафедры
экономической теории
и права
Народная украинская
академия

Проектные студии в учебном
процессе как способ применения
компетентностного подхода

Научный руководитель доц. *Кирик Т. Н.*

Жуковская Е. В.
аспирант кафедры
экономики предприятия
Народная украинская
академия

Доверие как экономическая
категория

Научный руководитель доц. *Яременко В. Г.*

Иванюченко О. В.

викладач кафедри
економічної теорії
та права
Народна українська
академія

Визначення поняття «комп'ютерна
програма» в авторському праві

Науковий керівник ст. науковець *Вінницька М. В.*

Нестеренко П. В.

канд. юрид. наук,
доцент кафедри
економічної теорії
и права
Народная украинская
академия

Проблеми непрерывного
образования в законодательстве
Украины и Франции

Современная филология: новые ракурсы и грани

Alarcon David

Glaremont Graduate
University

A Light at the End of the Tunnel.

A Pedagogical Experience in Colombia

Бабак Е. Н.

преподаватель
общеакадемической
кафедры английского
языка
Народная украинская
академия

Критика А. Л. Вольнского глазами
его современника Г. В. Плеханова

Научный руководитель *Журенко М. Н.*

Денисова С. В.

старший преподаватель
кафедры украиноведения
Народная украинская
академия

Прогрессивные информационные
технологии в образовании

Научный руководитель доц. *Брусенцова О. А.*

Закриничная Н. И. Особенности проявления
преподаватель кафедры экспрессивности в речи мужчин
германской и романской и женщин
филологии
Народная украинская академия

Научный руководитель проф. *Потапова Ж. Е.*

Ивахненко А. А. Передача имен собственных при
канд. филол. наук, доцент переводе исторического романа
кафедры теории (на материале романа Н. Гордона
и практики перевода *Shaman*)
Народная украинская академия

Козлова М. М. Гендерне питання у розвитку
викладач кафедри теорії перекладацтва та перекладознавства
та практики перекладу у Великій Британії XVI–XVIII ст.
Народна українська академія

Науковий керівник доц. *Ивахненко А. О.*

Колесник В. В. Лингвосоциокультурный метод
преподаватель кафедры в преподавании делового
германской и романской английского языка в высшей школе
филологии
Народная украинская академия

Научный руководитель проф. *Тимошенкова Т. М.*

Лісна М. І. Способи передання
канд. філол. наук, безеквівалентних значень
викладач кафедри у двомовних словниках
германської та романської філології
Народна українська академія

Здоровьесберегающая направленность образования в современном мире

Кошкарёва Н. А. Роль тренера в подготовке
преподаватель кафедры волейбольных команд
физического воспитания
и спорта
Народная украинская
академия

Научный руководитель доц. *Красуля М. А.*

Красуля А. В. Использование элементов гиревого
преподаватель кафедры спорта в процессе занятий
физического воспитания в тренажерном зале
и спорта
Народная украинская
академия

Научный руководитель доц. *Красуля М. А.*

Назаренко И. И. Высшая ценность здоровья
преподаватель кафедры
физического воспитания
и спорта
Народная украинская
академия

Научный руководитель доц. *Красуля М. А.*

Черновол А. Н. Проблемы адаптации
преподаватель кафедры первокурсников к условиям обучения
физического воспитания в вузе
и спорта
Народная украинская
академия

Научный руководитель доц. *Красуля М. А.*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

14 апреля

Актальный зал

16-45 – 17-30

Подведение итогов Дня науки в НУА

ДОКЛАДЫ

С. Б. Бистрянцев

«ЗВОРОТНИЙ БІК ВІТРУ», АБО ЩО ХОВАЄТЬСЯ ЗА ЦІКАВІСТЮ ВЧЕНИХ

Метафора в назві належить лауреатові Нобелівської премії з літератури, великому сербському письменнику Милораду Павичу. Як нам здається, ця метафора добре відображає тему, якій присвячена наша конференція. За цікавістю вчених ховаються досить певні й добре відомі дії вчених. Ці дії дають результати, що, у свою чергу, групуються в певні форми. Це і є та частина науки, яка називається методологією. Іноді вчені говорять: якщо предмет науки – це відповідь на запитання «про що?», то методологія – це відповідь на запитання «як, яким чином?». Це і є два боки знання.

Метафора М. Павича цікава ще й незвичайним поглядом на звичайне, добре знайоме всім явище. Здавалося б, чи є щось незвичайне, непомічене раніше в таких звичних речах, як купівля у магазинах, звичайний олівець, свобода, той же вітер? І проте купування у сучасному російському супермаркеті завдало б людині, яка жила ще в радянський час, шок. Насамперед, незвичайним поглядом на ситуацію: головною фігурою раніше був продавець – тепер покупець, продавця ж може не бути зовсім. Звичайний графітовий олівець? Що в ньому незвичайного? Але два вчених глянули на нього не так, як дивляться звичайні люди, і з'явився графен – матеріал з незвичайними властивостями, а у вчених-фізиків Андрія Гейма та Костянтина Новосьолова – Нобелівська премія в 2010 році. А як розширилися трактування свободи політологами і юристами? Свободу тепер можна порівняти тільки з вітром!

Усім відомо, що науковий метод заснований на процедурі виключення з дослідження аргументів, породжених суб'єктивним баченням. Із часів Коперніківської революції і методологічних досліджень Джона Локка відомо, що основна відмінність

об'єктивного і суб'єктивного – вимір. Об'єктивне піддається виміру, суб'єктивне – ні. Тут грань, що відділяє наукове від не наукового. Дуже важливого, навіть життєво необхідного, але не наукового. Причому фантазія, здатність побачити навколишній світ у новому, незвичайному ракурсі не виключається у кожному разі. Вражають своєю незвичайністю математики, що вишиковують простір Мінковського й Лобачевського, геометрію Рімана (як би повівся хазяїн земного простору – вітер у таких просторах?); дивують фізики, які знають, що було в першу секунду після Великого вибуху. Відомо, що Бог створив всесвіт за сім днів, але чи ставилося богословами питання: не було тверді та вод, але чи був вітер і його зворотний бік? У науковому пізнанні саме вимір та розвиток процедур і операцій із цифрами вивели культуру мислення на рівень теоретичного дослідження. І в сучасній науці, у тому числі соціальній (економіці, юриспруденції, соціологічній і політичній) процедура виміру продовжує відігравати роль найважливішого елемента науковості. Великий Платон визначав, що «арифметика збуджує його, по природі сонного й безглузлого, і робить його проникливим». «Одержуючи цю митецьку допомогу, він робить успіхи більше його природних можливостей». Іншими словами, вимір навіть учневі відкриває доступ до математичного генія, навіть школярі завдяки математиці легко долають проблеми, над якими Архімед і Ньютон міркували не один день.

Можливо, коли-небудь математика й вимір змінять наш недосконалий, найчастіше агресивний світ. Процедура виміру зніме споконвічні суперечки й навіть сутички. Лейбніц ще у XVII столітті очікував появи універсальної мови на ґрунті символічної логіки, у якій всі судження могли б бути сформульовані науково, тобто точно. Якби така мова з'явилася і увійшла у повсякдення, люди припинили б ворогувати. Вони б просто клали руки один одному на плечі й приязно казали б: «Давайте порахуємо!». Мрія Лейбніца, можливо, легендарна, поки не здійснилася, але безсумнівно те, що кількісні визначення дозволяють зводити розбіжності до більш конкретних і сфокусованих суперечок.

У середовищі вчених, що вивчають різні боки громадського життя, можна зустріти думку про неможливість застосовувати процедуру виміру в соціальних науках на тій підставі, що в цій

сфері не можна зробити повноцінну операцію поєднання, яка буде мати структуру арифметичного складання. В історії природничих наук такі думки також висловлювалися про багато явищ природи, але щоразу скепсис бував відкинутий, хоча вимірювальні процедури здійснювалися в іншій, ніж спочатку передбачалося, формі. Ресурс процедур виміру жодною мірою ще не вичерпаний. Систематичне дослідження може бути проведене в соціальних науках, як і в будь-яких інших, усюди за допомогою багатьох прийомів. Ці прийоми менш точні, ніж строгий кількісний вимір, проте вони набагато кращі за індивідуальне судження, нічим не підкріплене. Існує безпосередня лінія процедур логічної послідовності, що полягає в якісній класифікації, що підводить до строгих форм виміру через прийоми систематичних оцінок, класифікуючих шкал, багатомірних класифікацій, типологій і простих кількісних індексів. У широкому сенсі терміна «вимір» соціальні феномени вимірюються нами щодня. Один із президентів Росії, який не залишив помітного сліду в її історії, сказав: «Воля краще, ніж неволя». Звернемо увагу на слово «краще». Це не довершений, але процедурно можливий прийом виміру. Вимір доречний навіть тут.

Захоплення математикою й процедурами виміру веде до особливої хвороби сучасного світу – «містики кількості». Симптом цієї хвороби – на числа реагують так, начебто вони є сховищем окультних сил. Ця містика має різні нозології (як іноді говорять медики), аж до віри у нумерологію й інші екзотичні доктрини піфагорейського типу. Містикою кількості можна назвати перебільшену увагу до ролі виміру тільки тому, що він відображається цифрою, незалежно від того, що саме вимірюється або що можна зробити з тим, що обміряно.

Але соціальні науки, особливо соціально-політичні, можуть бути піддані й прямо протилежній хворобі – «містиці якості». Джерела цієї містики, як не дивно, також підлеглі магії чисел. Симптоми цієї хвороби: переконання, що знання, особливо ті, які стосуються людини й відносин між людьми, складаються з інтерпретації якостей, які за природою уникають мережі чисел, якою б малою не було її вічко. Для трактування поведінки людини або вивчення феноменів культури процедура виміру у кращому разі безглузда, а в гіршому являє собою безнадійне викривлення того, що дійсно

важливо. Ця хвороба-фобія характерна для вчених-гуманітаріїв, але не тільки. Є велика група фізичних наук, у яких переважають якісні судження. Дарвін, пояснюючи теорію видів, міг обходитися й без математики. Тому «містика якості» – хвороба загальнонаукова.

Отже, якщо прагнеш бути вченим – вимірюй. Можливість виміряти щось залежить не від факту або речі, а від нашого знання про них. Більше того, від уміння, майстерності і винахідливості дослідника. Справедливо було помічено, що, говорячи про вимір у широкому трактуванні, можна казати про «розмежування й фіксацію наших ідей про речі» [1]. Сказати про щось, що це неможливо виміряти, – значить сказати, що це можна пізнати тільки до певної межі, що наші знання про це неминуче повинні залишатися невизначеними. Такий погляд суперечить епістемологічному принципу І. Канта про аксіому інтуїції, ціль якої – гарантувати апріорне знання; або метафізичному погляду Бергсона, що математика веде тільки до протиріч, коли її застосовують до аналізу потоку досвіду. Для цілей соціального дослідження, на нашу думку, досить, якщо до можливості вимірювати ставляться як до методологічного припущення. Те, що цього відношення досить, означає, що варто припускати можливість використання процедури виміру доти, поки невдачі це припущення не спростують. А якщо це відбудеться, то відбудеться ще дуже нескоро.

Якщо отриманий якийсь, великий або не дуже, масив емпіричного матеріалу, наступає найважливіший, можливо вирішальний, етап у діяльності вченого. Це етап одержання власне наукового продукту, етап узагальнення або концептуалізації. Найбільш відомі тут наукові теорії і наукові закони.

Важко переоцінити роль і значення наукового закону як форми узагальнення емпіричної інформації та як продукту діяльності вченого. Якщо звичайні люди, далекі від науки, вірять у її позитивне значення для всього суспільства, то ця віра найчастіше зводиться до віри в науковий закон. Це можуть бути закони Ньютона, Дарвіна, Ломоносова – Лавуазьє й інші. Люди не довіряють товстим розумним книгам, але відразу й беззастережно – науковим законам. Марксизм був ученням сцієнтистського толку, яке намагалося формулювати суспільні закони. Але тепер, після того як «примара

комунізму» відпустила людський розум, – віра в наукові закони, що мають місце в соціальному житті, виявилася підірвана. Однак викинути науковий закон із суспільних наук не можна. У цих судженнях – квінтесенція науки. І якщо ми сформулюємо закон «зворотного боку вітру», у зворотний бік вітру повірять, його приймуть як реальність. Із часів виходу роботи Монтеस्क'є «Про дух законів» науковий закон став розглядатися як вища форма наукового знання. У відкритті незмінних суспільних законів і тенденцій бачили сенс вивчення соціальної матерії та історії. Наукове пояснення не може бути лише описом сукупності подій, потрібно їхнє пояснення через установлення зв'язків, що існують між елементами і явищами громадського життя. Наука дає такі пояснення у формі законів. Тому, звичайно, науковий закон – ціль дослідницької діяльності й зміст науки.

Ми будемо виходити з того, що науковий закон – це судження, висловлення про об'єктивно існуючий, необхідний та істотний зв'язок між явищами суспільного життя, якому властиві такі риси як загальність, сталість і передбачуваність. Таке судження повинне відповідати вимогам теоретичної обґрунтованості, логічної прийнятності, соціальної комунікативності, практичної застосовності.

У соціальних науках переплітаються два типи законів – онтологічні й деонтологічні, що спочатку домінували. Онтологічні закони – правила, принципи й властивості, які відносяться до природного ходу речей, що виключає будь-чие втручання. Деонтологічні закони – правила й принципи, що виступають як обов'язкові для виконання норми. По суті, другий тип законів являв собою норми релігії (божественні закони), права (юридичні закони), моралі (закони моральності) і деякі інші. Ними саме займається правознавство.

Соціальні науки мають справу з онтологічними законами, тобто законами, що діють у соціальній реальності, подібними до природних законів. Соціальні мислителі завжди були у деякій мірі соціальними інженерами, тому що ставили перед собою й суспільством практичні завдання. Таку позицію можна вважати цілком науковою. Наука ставить своєю кінцевою метою передбачити процес перетворення предметів практичної діяльності (об'єкт

у вихідному стані), що чимось не задовольняє людей, у якийсь бажаний стан (об'єкт у кінцевому стані). Це перетворення завжди відбувається на основі уявлення про сутнісні зв'язки, закони зміни й розвитку об'єктів. Суспільна діяльність людей може бути успішною тільки тоді, коли вона узгодиться із цими законами. Тому у соціальної науки одне основне завдання – виявити закони, за якими змінюється й розвивається соціальна матерія. Соціальна наука з'являється й розвивається як емпірична й прикладна. Звідси орієнтація на вивчення соціальних фактів і інститутів, з наступним їх удосконалюванням, включенням у перетворюючу діяльність, і їх дослідження, що підкоряються об'єктивним законам функціонування й розвитку.

В історії соціальної науки, очевидно, справді першою спробою формулювання закону був «закон самогубства» Е. Дюркгейма. «Кількість самогубств зворотно пропорційна ступеню інтеграції тих соціальних груп, у які входить індивід». Даний закон став, на наш погляд, зразковим для соціальних дисциплін, особливо для соціології. Закон фіксує високий ступінь кореляції соціальних явищ. Цей закон дає можливість говорити про специфіку законів соціально-політичних наук. Змінні, включені у твердження, повинні бути визначені як соціальні факти, тому що сама соціологія ці факти вивчає. Залежність між соціальними фактами є соціальний закон. За Дюркгеймом, до соціальних фактів належать усі речі й події життя людини. Тому, на перший погляд, будь-який закон будь-якої сфери людської діяльності можна назвати соціологічним. Однак соціологія – особлива наука, тому дефініція соціологічного закону повинна бути більш точною. Соціологічними законами Дюркгейм називає тільки ті, які мають властивості, що стосуються групи людей як колективу, причому ці групові властивості повинні відноситися до її зовнішніх характеристик.

Крім основних типів законів можна відзначити безліч закономірностей типу узагальнюючих суджень, типів генералізації. Наприклад, судження про послідовність подій у часі або про послідовність стадій розвитку соціального процесу; кількісні закономірності, у яких фіксуються функціональні відносини й залежності між певними величинами; статистичні закони, які говорять про кореляцію між подіями й властивостями спостережу-

ваних одиниць, та ін. Різного роду узагальнення в процесі наукового дослідження можуть мати найрізноманітніші значення й виконувати відповідно різні функції. Кожне дослідження замислюється або як вивчення конкретної приватної проблеми, або як вивчення суспільної підсистеми (наприклад, політичної), або суспільства в цілому. І результат кожного з них – створення соціального факту або пошук суспільного закону. Але які б узагальнення не формулювалися в процесі дослідження, вони припускають тією чи іншою мірою підхід до формулювання закону.

Класичний погляд позитивіста на наукові закони полягає у тому, що вони сприяють фіксації й передбаченню появи певних фактів, які становлять реальність. Внаслідок цього американський методолог Ернст Мах називає закони «стислими правилами» і говорить про «економічний офіс» у науці, який, на його думку, складається з «найбільш досконалого способу представлення фактів з найменшими витратами розуму» [2]. Чарльз Пірсон розглядає науковий закон як існуючий «тільки будучи сформульованим людиною», це не що інше, як «резюме в інтелектуальній стенографії, яке заміняє для нас довгі описи послідовних операцій серед наших вражень» [3]. Такий погляд привертає нашу увагу більше до способів використання наукових законів, ніж до ідеї, що вони відображають універсальні зразки, стандарти досліджень, де певні припущення відповідають певним фактам, даним. Такого типу позитивістська позиція здатна породити деякі недоліки.

Насамперед, посилення на інтелектуальну стенографію й економію думки зводить роль наукового закону до умовної позначки, знака. Звичайно, умовна позначка може приховувати за собою науковий закон – це виправдано й корисно, наприклад, нам не треба докладно пояснювати, що таке «правова держава» або «соціальний інститут», і на основі цих понять, включених у систему закономірних суджень, виконується не одне соціологічне або політичне дослідження. Але все-таки не слід плутати умовну позначку із системою його припущень.

Наукові закони, звичайно, заощаджують інтелектуальні зусилля, але вони виконують і іншу роботу, яку умовні позначки й поняття виконувати не можуть. І характеристика наукового

закону як опису, економічного чи ні, виглядає краще, ніж точка зору, викладена Брайтвайтом [4] або Нагелем [5], що у точному значенні слова науковий закон взагалі нічого не описує. Науковий закон – це опис минулого, але найголовніше – майбутнього. Адже у своєму формулюванні закон жодним чином не обмежений у формулюванні спостережуваними змінними, він «описує» майбутнє, так само як минуле, якщо до них ми можемо застосувати відповідну термінологію. А оскільки науковий закон умовний за формою, він дає опис стану, який може навіть ніколи й не відбутися.

Наукові закони не керують подіями, їх не можна порівнювати із соціальними нормами, законами й звичаями, що управляють діями людей. Не можна нав'язати науковий закон або порушити його й зазнати кари за порушення. У будь-якому емпіричному, прагматичному сенсі «воля» несумісна із дією природного закону. Ми не можемо знищити контракт, із приводу якого без примусу взяли на себе зобов'язання, тільки на тій підставі, що причиною цих зобов'язань були спадковість і оточення. Нам не уникнути примусу політики, економіки, психології й інших дисциплін тільки наполягаючи на тому, що ніщо нас не змушує робити те, що ми робимо. Відмінність між вільним вибором і вимушеною поведінкою проходить у причинно-наслідковій сфері, а не між цією сферою й ще чимось, що лежить за її межами. Вільний вибір не є безпричинним, але таким вибором, причини якого включають прагнення й знання людини. І немає апіорних причин, за якими вільно зроблений вибір повинен відмовлятися демонструвати проходження будь-яким регулярностям.

Зовсім інший погляд був загальноновизнаним і переважав у Росії протягом останніх півтора століть. У художній формі він виражений у романі Ф. М. Достоевського «Злочин і покарання». А саме, вчинки та дії людей великою мірою визначені соціальною ситуацією й логікою соціального життя. Заявлялося про неминучі сценарії майбутніх подій. Імовірно, по закінченні двадцятого століття можна назвати такий погляд апокаліпсичним детермінізмом, тому що він асоціюється з різними варіантами філософії історії, що відкривають нам нашу неминучу долю. Багато у чому такий погляд знайшов своє відбиття у концепції законів історії марксизму, у традиції історизму.

У цілому, закони формулюють те, що відбулося б при різних наборах умов. Історична ситуація накладає обмеження на умови, які можна отримати, й, таким чином, на можливості, які можуть відбутися. Наполягати на тому, що ці обмеження настільки вузькі, що залишають тільки один можливий вибір, – означає повертатися до вихідного питання. Те, що вибір обмежений, не припускає, що вибору взагалі немає. У будь-якій конкретній ситуації, з якою стикаються люди, завжди є вибір. Держави, що входять у ядерний клуб, можуть демонтувати ядерну зброю, але можуть і застосувати її в тій чи іншій ситуації. Радіоактивне зараження території як фізичний фактор, характеристика навколишнього середовища є об'єктивним. Історія фіксує альтернативи, які дають людям можливість самого різного, часом суперечливого вибору, а закони історії реєструють наслідки, яких слід очікувати. З існування тих або інших законів і закономірностей поведінки людей зовсім не випливає, що немає альтернатив моделі соціального розвитку, що розгортається. Для такого висновку потрібен був би закон, який спеціально підтвердив би існування такого прикладу. Потрібний був би закон, який ми назвали б «законом зразка». Такого закону поки немає, та й чи може він з'явитися?

Здається, що в основі доктрини історичної неминучості, історизму лежить плутанина у постановці питання. Пізнання наукового типу дійсно припускає фіксований порядок подій. Процедура впорядкування характерна для будь-якого дослідження. У цілому прогрес науки можна розглядати у широкому сенсі слова як рух від емпіричного неупорядкованого факту до раціональної теорії. Учений ніколи не зупиняється на знанні про соціальний процес, факт. Усякий соціальний дослідник прагне з'ясувати, що повинно бути дійсним, а не тільки те, що виявляється дійсним у певний час, у певному місці або в багатьох. Щоб зрозуміти подію, як рекомендував Спіноза та як припускає раціоналістична традиція, треба зрозуміти, чому вона відбувається, побачити її як необхідний наслідок роботи загальних принципів. З погляду методології досить того, що вчений працює з метою перетворити описові узагальнення у закони, а окремі, ізольовані закони, у свою чергу, в систематичні, структуровані теорії.

Зараз детермінізм найчастіше розуміється як істотний елемент

наукового погляду: пошук законів і їх об'єднання в теорію сприймається як віра в упорядкованість фізичного й соціального всесвіту. Космос – світовий порядок, що зафіксований природничими науками; суспільні науки беруть на себе трансляцію віри в упорядкованість соціального всесвіту.

Але наукове дослідження завжди предметне, специфічне й обмежене. Учені не вивчають «світ» у цілому, а тільки досить обмежену частину світу або його аспект. Навіть космологи мають специфічні й обмежені інтереси, якщо вони вчені, а не метафізики. Зміст дослідження, у якому визначаються цілі дослідження, завжди конкретний і визначений, незалежно від ступеня абстрактності і загального характеру його предмета. І Ньютон, і Ейнштейн мали під рукою певну кількість спостережень і гіпотез, які ними поєднувалися і пояснювалися. Припущення про світ як про єдине ціле тільки передбачається як фон дослідження, яке базується на знанні про предмет дослідження. Стверджувати, що на все у світі є своя причина – це більше, ніж потрібно вченому, зайнятому дослідженням певного аспекту цього світу. Досить знання, що всі події, які його цікавлять, пов'язані у причинно-наслідкову мережу.

Для соціальної науки важливіше обмежений детермінізм, який не є посилкою, а є тільки припущенням для пошуку нових законів. Такий обмежений детермінізм, на відміну від загального детермінізму філософії, можна назвати методологічним детермінізмом. Він припускає, що закони варто шукати, що вони дійсно існують. Але зовсім не те, що вони обов'язково існують завжди й скрізь. Рибалці не обов'язково знати або вірити в те, що в річці є риба, досить, якщо він знає, що його вудка дозволяє йому її піймати, якщо вона є.

У соціології існує так званий «закон У. Томаса». Цей закон говорить: явище, реальне у свідомості людей, є реальним за своїми соціальними наслідками. Прояви дії цього закону ми можемо спостерігати у найрізноманітніших ситуаціях і на всіх рівнях суспільного життя. Ми спостерігаємо його в буденному, побутовому спілкуванні між людьми знайомими й незнайомими. Цей закон простежується в діяльності соціальних суб'єктів: організацій бізнесу, що створюють матеріальні цінності; релігійних діячів, які закликають будувати життя за зразками, прописаними

у священних книгах, суб'єктів громадянського суспільства, що закликають до толерантного або навіть інтолерантного відношення до явищ суспільного життя. Цей закон всюдисущий, має універсальне соціальне значення. Пояснення цьому слід шукати у «формулі» соціальної матерії М. Вебера: «очікування очікування очікування». Будь-яка соціальна дія включає нас у різноманітні відносини з іншими людьми. У спілкуванні ми постійно, усвідомлено або несвідомо, реалізуємо свої очікування того, що наші партнери будуть виконувати передбачувані сценарії дій, пов'язані з їхніми соціальними статусами. У свою чергу, вони очікують від нас виконання дій передбачуваних, що доповнюють дії партнерів. Ошукати очікування – значить увертнути соціальний світ у хаос. Орієнтація на дії іншого – найважливіший соціальний інстинкт. І цьому ж інстинкту люди постійно навчаються.

Навчання, функція першорядна в соціальній системі, може бути представлена як дія, що доповнює природні рефлексії людини звичками, отриманими в результаті навчання. Навчання підштовхує людину до відмови від дій звичних, стандартних, за М. Вебером – традиційного типу дій, до нових реактивних дій у незнайомих, нестандартних ситуаціях. Навчання орієнтує на творче вирішення тих проблем, з якими раніше діючий суб'єкт не стикався. Треба відзначити, що стимулювання системи навчання і освіти, розпочате російським урядом останнім часом, що має на меті викликати інноваційні поведінкові реакції суспільства, виглядає цілком соціологічно виправданим. Саме ці нові, нетрадиційні («інноваційні») реакції становлять поведінкову кореляту теоретизування.

Теорія, з такого погляду, – це спосіб сприйняття й розуміння нової ситуації, що раніше не зустрічався. Теорія дозволяє найбільш ефективно використовувати звичайні, стандартні типи дій і, що важливіше, міняти їх або зовсім від них відмовлятися, замінюючи їх новими, як того вимагає ситуація. Теорія відіграє роль засобу, стимулюючого інтерпретацію, критику, об'єднання вже створених законів шляхом їхньої модифікації, так щоб вони вводили до ладу дані, змінні, невраховані, непередбачувані у їхньому формулюванні. Теорія вказує шляхи відкриття нових і більш переконливих узагальнень. Включатися в теоретизування як специфічну діяльність

означає не просто навчатися на досвіді попередників, але орієнтуватися у тому, чому треба вчитися. Інакше кажучи, найнижчий продуктивний рівень навчання – догматично затвердити наукові закони, але не піднятися до рівня наукової теорії. Це навчання за допомогою досвіду, а не відштовхуючись від нього, тому що з досвіду потрібно витягнути символічні конструкції, що дають суб'єктові якийсь вторинний, непрямий досвід, який суб'єкт не відчує ніколи.

Теорія в соціології, як і в інших науках, – це символічні конструкції. Навіть ті фахівці у сфері філософії науки і вчені, які розглядають закони природознавства серед складових світобудови, наукові теорії до світобудови «не підпускають». Теорій соціальних наук, у тому числі історичних теорій, це стосується найбільшою мірою. У будь-яких випадках теорії створені людиною, і навіть у випадку своєї істинності вони повинні відповідати «тому, що є у світі Бог». Те, що теорії засновані і пронизані символізмом, означає, що вони не пов'язані з неминучістю соціальних фактів. Кожен факт соціального життя самодостатній: він є те, що він є. І теорію, як будь-який символ, можна сприймати як факт, точніше, як вихідний факт для історії ідей.

Але в цій своїй функції теорія виходить за рамки обкресленого символом змісту. Символ орієнтований на пошук точного змісту, значення, в іншому випадку йому не вдається виконати свою символічну функцію. Розвиток наукових теорій у суспільних науках завжди повинен враховувати можливість невдачі, їх прагнення до наукових істин неминуче повинне супроводжуватися дискусіями і постійною присутністю ризику помилки, подібно до того, як небезпека смерті є ціною, яку сплачують живі. Іншими словами, теорія висуває припущення, є гіпотетичною; своєю невизначеністю вона протилежна сенсу існування наукового факту як відомої, підтвердженої істини. Учені іноді говорять: зрештою, це тільки теорія, що свідчить про триваючий пошук і запрошує до дискусії. Таким чином, теорія в суспільних науках самим змістом свого існування протиставляється суспільній практиці. Вона також протистоїть досвіду (у тому числі й горезвісному «життєвому досвіду»). Теоретичні концепції протиставляються концепціям, створеним на основі спостереження, а також теоретичним законам

з емпіричними узагальненнями. Хоча слід відзначити, що формулювання самої концепції в суспільних науках припускає використання символів, і саме це виділяє її із загального потоку сприйняття соціальної реальності. У деяких випадках це стосується характеристики і сприйняття самого матеріалу (наприклад, легко розрізнити економіку і політику), у той же час в інших випадках – ще глибше пророблення соціальної реальності символічними процедурами. Насамперед, важливе формулювання теоретичних термінів, значення яких важливо уточнити сполученими, «горизонтальними» ознаками, що встановлюють їхній взаємозв'язок і взаємну опосередкованість. Тому «теоретичний» неминує означати «абстрактний, виділений, кристалізований з матеріалів досвіду», але одночасно це означає «концептуалізований, створений з відселектованих матеріалів, який не має аналога, двійника у досвіді і соціальній практиці». Якщо сформульована теоретична «сутність», а не тільки теоретичний термін зі специфічним, обмеженим використанням, потрібно спробувати забезпечити для таких «сутностей» специфічну ж «закриту» царину існування або спосіб використання. Аналогічно до цього теоретичні закони опосередковані емпіричними узагальненнями, які ближче, більш безпосередньо ставляться до фактів. Можна сказати, що вони перебувають на більш «високому рівні», маючи справу з абстракціями, а не з конкретними суб'єктами або конкретними випадками соціальних відносин; скоріше з теоретичними сутностями, а не зі складовими спостережуваних соціальних фактів. Напевно, тому неправомірно говорити, що вони у точному значенні слова описують соціальний світ, вони скоріше слугують тому, щоб надавати можливість пояснювати деякі суспільство-знавчі істини.

Визначивши символічну природу наукових теорій, чому б не припустити існування зворотного боку вітру?

Література

1. Danto A. and Morgenbesser S. (eds.) *Philosophy of Science*. – N.Y., 1960. – P. 7.
2. Wiener, P. P. (ed.). *Readings in the Philosophy of Science*. – N.Y., 1953.

3. Pearson, C. The Grammar of Science. – London, 1943.
4. Braithwaite, R. B. Scientific Explanation. – Cambridge (Eng.), 1956.
5. Nagel, E. The Structure of Science. – N.Y., 1961.

А. В. Дыбина

РОЛЬ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Влияние науки, научных открытий на мировую цивилизацию, современное общество и современного человека в настоящее время приобрело особую актуальность и новую остроту, учитывая тот информационный этап развития и новое качественное состояние глобальной информатизации, в которое перешло нынешнее общество. Всеобщая компьютеризация дала возможность использования цифровых технологий во многих сферах жизни и деятельности людей. И уже не вызывает сомнения тот факт, что от их применения и от степени развития научного знания зависят все показатели развития общества – экономические, культурные, образовательные.

В последнее десятилетие нынешнего века появилось большое количество статей, анализирующих различные аспекты развития роли науки в современном обществе, практического применения научных исследований в общественных процессах, государственной оценки труда ученых, деятельности молодого поколения исследователей, работы которых могут принести значительную пользу стране. К их числу можно отнести публикации отечественных авторов (Патона Б. Е., Семиноженко В. П., Яцкива Я. С. и др.), российских (Миндели Л. Э. и др.), белорусских исследователей (Мясникова М. и др.), а также издания научно-практических журналов «Наука та інновації» (Украина), «Наука и инновации» (Россия), электронного издания «Наука и технологии России – STRF.ru» и многое другое.

К числу наиболее важных проблем взаимодействия науки и общества можно отнести следующие: 1) развитие здравоохранения, культуры, образования; 2) обеспечение безопасности

государства; 3) технологическое обновление и экономический рост; 4) построение национальной инновационной системы; 5) формирование эффективной социально-экономической и научно-технологической политики на основе новейших открытий в области науки и инноваций.

Очевидно, что наука как особый социальный институт призвана обеспечивать общество новым достоверным знанием, что и является главным источником его технологического процесса. При этом требуется развитие новых или междисциплинарных отраслей знания, информационных, биотехнологий, нанотехнологий, изучения возможностей человеческого мозга, энергетики, экологии, биоинженерии, учитывая постоянный рост количества информации, что приведет к появлению новых открытий, новых информационных технологий обработки текстовой информации, которые принципиально изменят жизнь человека. Особую значимость приобретают интеграционные процессы в инновационной сфере, позволяющие исследователям на ключевых направлениях научного поиска объединить материальные и финансовые ресурсы.

Актуальными и востребованными являются эффективные технологии информационного поиска, извлечения знаний из текстов, автоматического реферирования, машинного перевода и др. В настоящее время во всем мире активно ведутся разработки в области систем ИЕ (Information Extraction). Под извлечением информации (ИЕ) понимается идентификация и семантическая классификация знаний, извлеченных из неструктурированных источников, например, текста на естественном языке (ЕЯ), для решения разнообразных задач [1]. Широко развивается направление исследований, связанное с моделированием онтологической семантики. Особо следует отметить онтологические ресурсы, являющиеся семантической базой для задач семантической классификации. Для английского языка это FrameNet, PropBank, VerbNet, для немецкого языка – Salsa, Spanish FrameNet для испанского языка, для русского языка Russnet, RuThes. И от ускорения процессов практического применения и коммерциализации результатов научных исследований и разработок напрямую зависит эффективность функционирования коммерческих организаций, учебных заведений.

В когнитивных исследованиях подчеркивается особая роль семантических знаний. Полученные результаты исследований позволяют утверждать, что семантический уровень является уровнем, связующим все языковые уровни, т. е. интегральным системообразующим свойством языка.

Так, к примеру, внедрение в учебный процесс онтолингвистических систем, ориентированных на решение сложных задач обработки естественного языка на основе семантических знаний, позволит сформировать адекватную модель предметной области, исследовать свойства объектов данной предметной области и отношения между объектами. Моделирование предметной области осуществляется на основе онтологического подхода, интегрирующего знания экспертов и лингвистические знания.

Лингвистическая компонента в онтолингвистической системе может позволить выполнять следующие действия: проводить графематический анализ, т. е. распознавать символы, сегментировать предложения, распознавать типы лингвистических объектов (словоформы, числа, даты, аббревиатуры и т. д.), проводить морфологический анализ словоформ, синтаксический анализ, разрешать синтаксическую, лексическую и грамматическую многозначность и т. д. на основе комплекса технологий обработки текстов (технологий морфосинтаксического, семантико-синтаксического анализа текстов).

Уже существующие интеллектуальные системы, разработанные на базе онтологий, показали свою эффективность на практике. Однако создание лингвистических онтологий представляет достаточно трудоемкий процесс, требующий экспертных знаний в исследуемой предметной области, поскольку онтология должна содержать десятки тысяч элементов, чтобы позволять решать широкий круг прикладных задач, а также значительных затрат времени и материальных ресурсов.

Именно на разработку лингвистической онтологии направлены наши дальнейшие исследования.

Литература

1. Невзорова О. Методы решения лингвистических задач на основе онтологий / О. Невзорова, В. Невзоров, Н. Пяткин //

International Book Series «Information Science and Computing», XIV-th International Conference «KDS», 2008 Varna-Bulgaria, June-July 2008. – С. 165–171.

Э. Е. Квитка

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Объективной тенденцией в современной экономической жизни общества является социализация экономики, неотъемлемым элементом которой выступает возрастание роли образовательного потенциала трудовых ресурсов. Предпосылкой успешного и выгодного положения стран на мировой арене хозяйствования все в меньшей степени являются природные ресурсы, уступая место научно-техническому прогрессу, следствием которого является рационализация использования имеющихся ресурсов, а также квалифицированным кадрам как необходимой составляющей динамичного и эффективного развития качественной составляющей национального производства товаров и услуг.

Конкурентоспособность – это фактор, определяющий положение страны в мировом хозяйственном комплексе, задающий условия включения государства в мировую экономику и степень ее значимости в международных отношениях, и как следствие – способность его либо диктовать условия сотрудничества в мировом сообществе, либо принимать их от других, более развитых его субъектов.

Залогом формирования мощного социального потенциала общества является качество образования, учет и внедрение образовательными учреждениями новых, а главное – эффективных технологий в образовании, его доступность и соответствие структуры направлений подготовки кадров потребностям рынка, а также развитие других составляющих социальной инфраструктуры жизни общества, таких как здоровье, культура, спорт, искусство и др.

Н. П. Гога

**РОЛЬ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА В ФОРМИРОВАНИИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ – СТУДЕНТОВ
(на основе исследований студентов-филологов)**

Процессы, которые происходят в современной системе образования, заставляют преподавателей постоянно находиться в поиске методов и способов, способствующих оптимизации учебного процесса. Особенно актуальным этот поиск стал с момента внедрения Болонской системы в украинскую систему образования. Формальные изменения повлекли за собой качественные изменения, особенно это коснулось вопросов взаимодействия преподавателей и студентов. Уже на протяжении 20 лет отношения из субъект-объектных трансформируются в субъект-субъектные, меняются личностные характеристики студентов, что требует от преподавателя особенного подхода к индивидуализации учебного процесса.

Изучение личности студента, с точки зрения психологии, включает в себя большое количество составляющих: изучение уровня развития познавательных способностей, особенности развития памяти и мышления, формирования волевых качеств, особенности мотивации учебной деятельности и т. д. Свое место в этих исследованиях занимает изучение проблем поведения, связанных с проявлением черт характера, в частности акцентуаций [1; 3].

Чаще всего вопросы характера изучались применительно к личности школьника, это мотивировалось классическими параметрами процесса социализации, но практически не исследовались особенности характера представителя студенческой молодежи.

Нами было проведено исследование, где испытуемыми выступили студенты III курса, обучающиеся по специальности «Перевод», 80 человек (18–20 лет). Выбор студентов III курса обусловлен тем, что процесс адаптации в вузе пройден, социальный статус в группе определен, цели намечены, следовательно, можно ожидать построения содержательной схемы взаимоотношений с преподавателями.

В исследовании использовалась классическая методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда (в модификации Г. Шмишека) [2]. Напомним, что акцентуациями называются наиболее выраженные черты личности, которые существенным образом влияют на ее поведение. В результате были проанализированы особенности поведения в рамках учебного процесса представителей 10-ти классических типов: демонстративного, застревающего, педантичного, возбудимого, гипертимного, дистимического, тревожного, экзальтированного, эмотивного и циклотимного.

Предложены рекомендации по оптимизации взаимоотношений в рамках учебного процесса с каждым психологическим типом; предложены типы заданий, способствующие улучшению качества проведения учебных занятий.

Исследование может быть использовано в рамках цикла лекций для магистров, молодых преподавателей, тьюторов и кураторов.

Литература

1. Блюм Г. Структура характера у взрослых / Г. Блюм // Психологическая теория личности. – М. : Наука, 2009. – 324 с.
2. Леонгард К. Анцентуированные личности / К. Леонгард. – К. : Вища шк., 2005. – 402 с.
3. Хрестоматия по психологии : сост. В. В. Мироненко ; под ред. А. В. Петровского. – М. : Просвещение, 2008. – 547 с.

Н. М. Бескобильна

ЗАСТОСУВАННЯ НОВОЇ МОДЕЛІ КОМУНІКАТИВНОГО МЕТОДУ ВИКЛАДАННЯ ІНОЗЕМНИХ МОВ

У сучасній системі освіти формується характерна тенденція до посилення комунікативної спрямованості навчального процесу, його наближення до реального процесу спілкування. Отже, методичним змістом сучасного уроку іноземної мови має бути комунікативність.

У процесі навчання за комунікативним методом студенти набувають комунікативної компетенції – здатності користуватись

мовою залежно від конкретної ситуації. Вони навчаються комунікації у процесі самої комунікації. Відповідно усі вправи та завдання повинні бути комунікативно виправданими дефіцитом інформації, вибором та реакцією. Найважливішою характеристикою комунікативного підходу є використання автентичних матеріалів, тобто таких, які реально використовуються носіями мови.

Сучасна комунікативна методика пропонує широке впровадження в навчальний процес активних нестандартних методів і форм роботи для кращого свідомого засвоєння матеріалу. У практиці виявили досить високу ефективність такі форми роботи, як індивідуальна, парна, групова і робота в команді.

Прикладом командної роботи можна назвати один із сучасних методів організації навчання, який отримав назву Case-Study – метод аналізу ситуацій.

Мета цього методу – навчити студента робити аналіз наданої інформації, виявляти ключові проблеми, обирати шляхи їх розв'язання, а головне, розвивати комунікативні здібності під час їх розв'язання. При аналізі конкретної ситуації найважливішим є те, що тут поєднуються індивідуальна робота учнів з груповим обговоренням пропозицій, підготовлених кожним членом команди. Це прекрасно дозволяє розвивати навички групової, командної роботи, що розширює можливості для вирішення типових проблем у рамках теми, що вивчається.

Метод Case-Study – інструмент, який дозволяє застосувати теоретичні знання для вирішення практичних завдань. Метод сприяє розвитку у студентів самостійного мислення іноземною мовою, уміння вислуховувати і враховувати альтернативну точку зору.

Метод аналізу ситуації найбільш широко використовується у вивченні економіки і бізнес-наук. Уперше він був використаний у навчальному процесі в школі права Гарвардського університету у 1870 році. Застосування цього методу в Гарвардській школі бізнесу почалось у 1920 році. Перші збірники кейсів були опубліковані у 1925 році у Звітах Гарвардського університету. На сьогоднішній день співіснують дві класичні школи Case-Study – Гарвардська (американська) і Манчестерська (європейська).

Використання методу Case-Study в навчанні студентів дозволяє підвищити пізнавальний інтерес до навчальних дисциплін, сприяє розвитку дослідницьких, комунікативних і творчих навичок. Помітною особливістю методу Case-Study є створення проблемної ситуації на основі фактів з реального життя. Створений як метод вивчення економічних дисциплін, у даний час метод Case-Study знаходить широке розповсюдження у вивченні гуманітарних наук, зокрема у вивченні іноземних мов.

Цей метод рекомендується застосовувати на старших курсах, оскільки студентам необхідний певний запас знань з теми, що вивчається, а також високий рівень володіння іноземною мовою. Специфіка цього методу при вивченні іноземної мови полягає в тому, що правильність рішення тієї чи іншої ситуації не досить важлива. Найважливішим вважається сам процес комунікації.

Підводячи підсумок, хотілося б відзначити, що використання методу Case-Study змушує студента використовувати вивчену по темі лексику на практиці, вирішуючи якусь конкретну ситуацію. Це більш корисно, ніж просте заучування слів та граматичних конструкцій. Також цей метод викликає бажання та інтерес до вивчення іноземної мови.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ. УЧАСТИЕ В ДИСКУССИИ

Социально-гуманитарные векторы осмысления инновационных процессов в социуме

Е. Б. Банникова

ИННОВАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

В доиндустриальном обществе приоритет принадлежал природным и трудовым ресурсам, в индустриальном – материальным, в постиндустриальном – интеллектуальным и информационным ресурсам. В инновационной (информационной) экономике – экономике, основанной на знаниях, – источник производительности заключается в технологиях генерирования знаний.

В информационном обществе владение знаниями и способность эффективно их использовать является таким же необходимым условием для включения индивидуума в доминирующую социальную группу, как и обладание материальными благами и средствами производства в эпоху индустриального общества.

На современном этапе развития общества информация и знания являются главными ресурсами. Информация – это сведения, которые уменьшают степень неопределенности и риска и помогают реализовать определенные цели. Знания – это совокупность сведений в определенной области, это проверенная информация, которая позволяет решать поставленные задачи.

Информация и знания – основные факторы информационного общества – не могут быть определены и оценены вне владеющего ими человека, и поэтому их исследование интересно как для экономики, так и для социологии. Знания играют доминирующую и определяющую роль в производстве национального валового продукта, становятся важным преимуществом корпораций в конкурентной борьбе и на рынках труда.

Интеллектуальный капитал организации – это сумма знаний всех работников. Интеллектуальный капитал – это квалификация, опыт, мотивации, знания, технологии, каналы коммуникации, интеллектуальная собственность, способные создать ценности и обеспечивающие конкурентные преимущества организации. Важным компонентом интеллектуального капитала является человеческий капитал, одна из его трех составляющих (человеческий, структурный и потребительский), то есть запас здоровья, знаний, привычек, способностей, мотиваций человека, который целеустремленно используется в той или иной сфере общественного производства. Инвестициями в человеческий капитал являются образование, накопление профессионального опыта, охрана здоровья, мобильность, поиск информации.

Эффективность деятельности организации зависит от того, какими человеческими ресурсами она обладает и как использует человеческий капитал.

Многие исследования показывают, что развитие человеческого капитала является фактором экономического роста. В постиндустриальном обществе инвестиции в человеческий капитал являются

наиболее эффективными по сравнению с вложениями в основной капитал. Человеческий капитал объединяет в себе культурный и социальный капитал данного индивидуума.

Информация, которая преобразуется человеком, приобретает ценность и переходит в знание. Важно не количество, а качество; важна не столько сама информация, сколько знание, где можно раздобыть нужную информацию. Количество творческих личностей, «талантов», то есть людей, имеющих навыки и опыт в определенной сфере деятельности, гибких, восприимчивых, способных применять знания и генерировать и воплощать новые идеи, определяет богатство организации. В настоящий момент перед организациями стоят задачи по поиску, эффективному использованию и увеличению интеллектуального капитала организации, а также по управлению талантами как элементу системы управления человеческими ресурсами. В последнее время в структуре персонала организации появляется принципиально новая должность – руководитель по управлению интеллектуальным капиталом (Chief Knowledge Officer), который работает с данными задачами.

Организационная культура – это набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявленных организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий. Организационная культура как метод эффективного управления человеческими ресурсами организации является важным компонентом при разработке и внедрении политики компании по работе со знаниями и инновациями.

С ростом информационных технологий и средств коммуникации, а также с увеличением уровня индивидуализма, вместо того, чтобы реализовать себя и свои идеи в рамках организации, человек может захотеть реализовать их вне организации. Как его удержать? Как остановить высвобождение таланта?

Задача организационной культуры – создать мотивацию для приобретения, совершенствования и практического применения знаний, а также создать условия для выработки способности производить новые знания. Это повысит экономическую эффективность и конкурентоспособность организации.

Человеческий капитал – это главный фактор формирования инновационной экономики.

Инновация – это нововведение, которое повышает эффективность действующей системы; это результат интеллектуальной деятельности человека, получение нового знания и процесс его внедрения. Инновация – это сочетание материалов и идей, уже существовавших ранее, – принципиально новых или привычных, но оригинально использованных. Согласно исследованиям, творческие люди гораздо легче находят связь между идеями. В психологии такая способность находить связь между концепциями называется ассоциативной способностью.

Инновации – нововведения, явления культуры, которых не было на предыдущих стадиях ее развития, но которые появились на данной стадии и получили в ней признание, то есть социализировались.

Для развития инноваций необходимо формирование определенного типа макрокультуры, благоприятно влияющего на развитие и реализацию творческих способностей человека. Важное условие для инноваций – это инновационная организационная культура, которая поощряет и делает возможными инновации, создает для этого необходимые внутренние условия. Такими условиями являются высокий уровень свободы, способность идти на риск, небольшая дистанция между руководством и работниками, матричная структура, сильный лидер, свободные коммуникации, кросс-культурные связи, обратная связь. Внешние условия для инноваций формируются государством.

Существует множество типологий организационных культур, созданных разными учеными на основе таких критериев, как кросс-культурные различия; ценности, отношения, личностные качества и модели поведения; система распределения власти и ответственности; организационно-функциональные параметры и особенности взаимодействия с внешней средой.

М. Бурке выделил восемь типов организационной культуры по следующим параметрам: взаимодействие с внешней средой, размер и структура организации, мотивация персонала. Т. Е. Дейл и А. А. Кеннеди выделяют четыре главных типа организационной культуры по параметрам «уровень риска» и «скорость получения

обратной связи». В типологии Д. Зоненфельда представлены четыре типа культур: «бейсбольная команда», «клуб», «академия», «крепость». Ф. Р. Манфред, Ке де Ври и Денни Миллер осуществили попытку перенести на типологию организаций и их культур психопатологические культуры, которые используются в психологии в отношении отдельных личностей. Л. Нельсон и Ф. Бернс различают четыре типа компаний: «реагирующий», «отзывчивый», «активный» и «высокоэффективный». Г. Минцберг, используя наработки Г. Хофстеде, создал типологию организационных культур на основе совмещения параметров «дистанция власти» и «стремление избежать неопределенности» и пяти конфигураций структуры организации. К. Камерон и Р. Куинн исследовали индикаторы эффективности по двум измерениям – гибкость и стабильность и внутренний и внешний фокус, – и разработали четыре вида организационных культур: клан, бюрократия, рынок и адхократия. В типологии Чарльза Хэнди адхократии аналогична культура Афины. Чарльз Хэнди описывает четыре типа культур: культура власти (Зевса), культура роли (Аполлона), культура личности (Диониса) и культура задачи (Афины).

Организации с адхократической культурой условиями успеха видят новаторство, обладание знанием и опережающие время решения. Главная цель таких организаций заключается в адаптации к среде, быстром приспособлении в условиях неопределенности, решении все новых задач. Адхократические компании поощряют инициативу и свободу работников.

На мой взгляд, организации должны научиться управлять своим интеллектуальным капиталом и активно использовать для этого инновационную организационную культуру, которая сформирует такие человеческие ресурсы в организации, которые будут проводниками инноваций на всех уровнях – на уровне создания, применения и управления, – так называемых инновационных «гениев», «практиков» и «лидеров».

Литература

1. Беркун Скотт. Откуда берутся идеальные идеи? 10 мифов об инновации / Беркун Скотт. – СПб. : Питер, 2011. – 208 с.
2. Камерон К. Диагностика и изменение организационной культуры / К. Камерон, Р. Куинн. – СПб. : Питер, 2001. – 320 с.

3. Макарян А. С. Глобализация и человеческий потенциал: демографическое измерение / А. С. Макарян. – ЗАО «Изд-во «Экономика», 2003. – 160 с.

4. Робертсон А. Управление талантами: Как извлечь выгоду из таланта ваших подчиненных / Алан Робертсон, Грэм Эбби. – Днепропетровск : Баланс-Клуб, 2004. – 200 с.

5. Стюарт Томас А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / А. Стюарт Томас. – М. : Поколение, 2007. – 368 с.

6. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / Э. Х. Шейн. – СПб. : Питер, 2002. – 336 с.

7. Minzberg Henry. Structure in Fives: Designing Effective Organizations / H. Minzberg. – Prentice-Hall, 1983. – 317 p.

А. М. Демидов

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ МАТРИЦ НА РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Многие исследователи, такие как Д. Норт и К. Поланьи, предполагали наличие некоей достаточно стабильной структуры, определяющей конфигурацию институтов в том или ином обществе. В российской науке эти идеи получили развитие в виде теории институциональных матриц С. Г. Кирдиной, согласно которой институциональная матрица определяется как «устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [1, с. 60]. Основная идея теории институциональных матриц – то, что «многообразные институциональные комплексы, регулирующие жизнь древних и современных государств, можно свести к двум институциональным матрицам» [1, с. 64]. Это Х-матрица, или восточная, и Y-матрица, или западная. Однако, по нашему мнению, данная теория имеет ряд недостатков.

Среди недостатков, прежде всего, сведение всего многообразия матриц к двум базовым, являющимся противоположностью друг друга и состоящим из трех элементов, представляется

излишним упрощением. Можно привести много примеров исторических и современных обществ, где указанные С. Г. Кирдиной элементы матриц находились в принципиально иной комбинации. Но ещё более существенным (если не критическим) недостатком теории институциональных матриц является, на наш взгляд, игнорирование культурного и этнического аспектов. Сама С. Г. Кирдина указывает, что её теория абстрагируется от таких явлений, как «культурно-смысловые системы, семантические поля, символика, религиозные, философские и художественные оппозиции, т. е. культура в ее традиционном понимании» [2, с. 65]. Между тем все иллюстрирующие её теорию примеры неразрывно связаны с перечисленным выше, особенно когда речь идет об идеологической составляющей институциональных матриц.

По нашему мнению, матричная основа институциональной структуры общества лежит *вне* этой структуры и «глубже» её – в области идеологии, религии, этнического менталитета. Если мы обратимся к работам Д. Норта (на которого опиралась и сама С. Г. Кирдина), то найдем в них неоднократные указания на наличие определенных «ментальных конструкций», влияющих на институциональные изменения путем «фильтрации» поступающей к акторам информации: «Изменения относительных цен проходят сквозь фильтр предсуществующих в нашем сознании ментальных конструкций, которые формируют наше толкование этих изменений» [3, с. 110]. Д. Норт подчеркивает роль культуры (от которой пыталась «абстрагироваться» теория С. Г. Кирдиной): «Культура с помощью языка задает концептуальные рамки для кодирования и интерпретации информации, которую предоставляют мозгу наши чувства» [3, с. 57]. И далее: «Способы переработки информации человеческим сознанием не только являются основой существования институтов, но и ключом к пониманию того, каким образом неформальные ограничения выполняют важную роль в формировании набора выборов в кратко- и долгосрочной эволюции общества» [3, с. 64].

Как представляется, одним из таких «фильтров», определяющих конфигурацию институтов, является этническая матрица, существование которой (под иным названием) утверждали задолго до перечисленных выше исследователей. Ещё основатель

этнологии С. М. Широкогоров ввел особое понятие – «психоментальный комплекс», представляющий собой ядро этноса, основу этнической специфики – «культурные элементы, которые состоят из психических и умственных реакций, как на целое, так и его элементы, они могут быть изменяемыми или стабильными, динамическими или статическими» [4, с. 66]. Психоментальный комплекс тесно связан со всеми отношениями, существующими внутри этноса, с физическими условиями его существования, а также взаимодействиями между соседними этносами. По сути дела, существование и развитие этноса определяется этим комплексом – системой представлений о мире (которые не обязательно тождественны реальности), обычаям, правилам поведения. Социальная организация этноса тесно связана с этими представлениями. Каждый человек принадлежит к определенному этносу и, обладая характерным для этого этноса психоментальным комплексом, основывает на нем свои действия, предпочтения, оценки.

Другой известный отечественный этнолог, Л. Н. Гумилев, критиковавший Широкогорова, тем не менее, высказывал похожие идеи – согласно его теории этносы основаны на уникальных стереотипах поведения [5, с. 500]. Наконец, и споривший с Гумилевым академик Ю. В. Бромлей признавал, что «характеризуя этнос в целом, необходимо также упомянуть, что культурное единство всех его членов неразрывно связано с наличием у них определенных общих черт психики» [6, с. 48].

Опираясь на эти указания и основываясь на принципах системной методологии, мы можем дать следующее комплексное определение этнической матрицы: *Характерная для обособленной группы людей система принципов восприятия, мышления и поведения, сформированная под воздействием внешней природной, социальной и культурной среды и воспроизводящаяся в процессе социализации из поколения в поколение, называется этнической матрицей.* Одним из важнейших элементов этнической матрицы является язык, который также может быть рассмотрен в качестве подсистемы. В частности, О. Борисова рассматривает языковую систему как механизм «кодирования и передачи информации, структурирующий

культурное измерение этноса» [7]. А как утверждает С. А. Кошарная, «лексикон есть знаковая логико-понятийная система, кодирующая информацию, накопленную этносом в течение длительного периода развития и лежащую в основе национального менталитета, носителем которого является языковая личность» [8]. Принадлежность к языковой подсистеме – не только основной маркер этнической идентификации, но и фактор, играющий большую роль в консервации этнокультурной традиции.

Как мы уже сказали, в этническую матрицу входят базовые представления о мире вокруг человека. Всё это не является предметом сознательного осмысления, но неким фильтром, отсеивающим, распределяющим и трансформирующим информацию ещё до того, как человек начинает о ней размышлять и принимать решения. Ключевую роль в этнической матрице играют символы, поскольку они обозначают её смутное, «невыразимое» (ineffable – термин Э. Шилза) содержание. Придавая «освязаемость» расплывчатой субстанции, составляющей ментальную матрицу, символы оказываются в центре этнических и конфессиональных конфликтов. Каждая сторона стремится «исправить» отклонения от «естественного», по их мнению, порядка вещей. Если для серба Приштина – столица древнего сербского княжества, то для албанца – это колыбель албанского национального движения. Именно в стремлении привести мир в соответствие с матрицей и заключается одна из ключевых причин воздействия этнических групп на социальные и политические институты.

Многие те или иные формы институтов развились из древних этнических практик. Как подчеркивает С. Рыбаков, этничность «всегда досоциальна и предсоциальна, априорна и сама порождает через этнос различного рода социальные связи и отношения» [9]. Но мы добавим, что, в то же время, сохранение этнической матрицы (а значит, и этноса) во многом зависит от социальных институтов, и прежде всего от института образования. Контроль над этим институтом обеспечивает выживание и экспансию этноса, но подобный контроль может осуществляться только политически. «Монополия на законное образование сейчас важнее и существеннее, чем монополия на законное насилие» [10, с. 85–87], – пишет Э. Геллнер, один из наиболее известных исследо-

вателей проблемы национализма. По его мнению, источником национализма является стремление определенных групп сохранить свою культуру, что возможно только через использование политической системы. «Итак, с одной стороны, этот образовательный механизм слишком объемен и дорогостоящ для всякой организации, кроме самой большой – государства. Но, помимо того, что только государство может взять на себя такую ношу, опять же только государству по силам осуществить контроль над такой важной и необходимой функцией» [10, с. 92–94].

Таким образом, развитие социальных и политических институтов обусловлено, наряду с другими факторами, особенностями этнических матриц.

Литература

1. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2001.
2. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1997.
4. Широкогоров С. М. Трудности исследования психоментального комплекса / С. М. Широкогоров // Широкогоровские чтения. Владивосток, 2001. – С. 66
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – Л. : Гидрометеиздат, 1990.
6. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М., 1983.
7. Борисова О. В. Категория этничности как эпистемологический феномен / О. В. Борисова // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 123, 124.
8. Кошарная С. А. Этнос как языковой субъект / С. А. Кошарная // Синергетика в современном мире : сб. докл. Междунар. науч. конф. в г. Белгороде. Часть II. – Белгород, 2000. – С. 179.
9. Рыбаков С. Вопросы теории. Этничность и этнос / С. Рыбаков // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 3. – С. 20.
10. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.

Е. С. Куцевляк

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

В настоящее время молодые специалисты сталкиваются с рядом проблем при трудоустройстве на рынке труда. Некоторые из них носят объективный характер, связанный с качеством образования и успешной реализацией полученных профессиональных знаний на практике, а также с высокими требованиями работодателей. Другие связаны с субъективными факторами – личностные качества молодого специалиста и его готовность социализироваться в новом поле.

Актуальность данной темы состоит в том, что на сегодняшний день трудоустройство молодежи считается одной из острых социально-экономических проблем. Все это связано с тем, что рынок труда и рынок образовательных услуг, также как и товарный рынок, развиваются по законам спроса и предложения. Поэтому важно контролировать баланс этих рынков для благополучного развития экономики Украины и общества в целом. Государство пытается уделять проблемам молодежи как можно больше внимания. А этих проблем, к сожалению, немало. Особенно сейчас, когда все слои общества ощутили на себе влияние кризиса и нестабильности.

Наиболее актуальные проблемы современной молодежи – трудоустройство и отсутствие возможностей для самореализации. Такой вывод сделали эксперты Института Горшенина (независимый неприбыльный аналитико-исследовательский центр, нацеленный на изучение общественных и политических процессов в Украине и мире) по итогам годовой программы международных социологических исследований «Студенты – образ будущего». Среди проблем, касающихся их лично, украинские студенты выделяют отсутствие работы и проблемы с трудоустройством (36,0%), материальную зависимость от кого-либо (34,1%), а также отсутствие свободного времени (28,4%). Важной задачей является определить главные причины, влияющие на трудоустройство молодежи, рассмотреть государственную политику в области

трудоустройства, а также предложить рекомендации для улучшения возникшей ситуации.

Права и обязанности выпускников высших учебных заведений, порядок трудоустройства молодежи регулируются Законом Украины «О высшем образовании», Кодексом законов о труде Украины, Законом Украины «О занятости населения», статьей 7 Закона Украины «О содействии социальному становлению и развитию молодежи», в соответствии с которым государство гарантирует трудоспособной молодежи равное с другими гражданами право на труд. Работа в этом направлении продолжается не только в правовой плоскости, но и на практике. Уже не первый год Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины развивает сеть молодежных центров труда, а также молодежных общественных организаций.

В научной литературе достаточно много работ посвящено проблемам профессионального выбора, профессиональной ориентации, профессионального становления, выделяются специфические теории профессионального выбора и профессионального становления: эволюционная (Ш. Бюлер, П. Лазерфельд, В. Гинзбург, К. Сьюпер), психоаналитическая (А. Ро, Джон Л. Холанд, Р. Шон-ди и К. Мозер), социально-психологическая (Т. Шарманн и П. Блаум) и социальная теории. Все перечисленные концепции несколько редуцированно рассматривают процесс профессионального выбора, детерминируя его воздействием одного или двух факторов (психическими склонностями, различными видами интеракции индивидов и конкретной средой, воздействием на жизнь человека общественных институтов и изменений, происходящих в экономике, политике, образовательной системе, социальной структуре).

Среди отечественных теоретиков профессионального выбора и профессионального становления можно выделить таких представителей, как М. Х. Титма, В. Н. Шубкин, В. Л. Оссовский, В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, Е. И. Головаха, Н. А. Аитов, В. Подмарков, В. Асеев, А. Дикарева, М. Мирская и др.

В процессе обучения большинство студентов вузов рассчитывают на предоставляемые высшим образованием долгосрочные выгоды. Раньше диплом высшего учебного заведения давал

выпускнику уважение, престижную работу, высокую занимаемую должность. Но в последнее время диплом перестал быть простым пропуском в мир больших возможностей. Для того чтобы реализовать себя в послевузовской жизни, нынешним студентам уже на первых курсах необходимо строить свою карьеру, и это касается не только полученных знаний.

Представление об идеальном молодом специалисте в настоящее время различно как у работодателей, так и у выпускников. Это связано с тем, что действующая система образования находится в процессе реформирования и в вопросах подготовки специалистов редко соответствует современным стандартам, которые предъявляют к выпускникам работодатели. Необходимо уделять больше внимания профессиональной ориентации студентов уже на первом курсе вуза для того, чтобы помочь им выявить ту сферу деятельности, в которой молодой специалист может наиболее полно реализовать свои возможности. Для самих студентов это означает, что необходимо активно изучать сам предмет обучения, а также стараться как можно больше времени уделять профессиональной подготовке.

Среди требований, предъявляемых к молодым специалистам, выделяются не только фундаментализация их знаний, но и способность к инновациям, расширению сферы деятельности, готовность к постоянному самообучению. Новые повышенные требования предъявляются работодателями к управленческому персоналу: обладание знаниями о новых технологиях, способность пользоваться сложными процедурами принятия решений, готовность к риску, коммуникативные способности, высокая степень гибкости, умение работать с различными системами мотивации, знание людей для выбора сотрудников, умение руководить людьми и т. д.

Кроме того, во многих случаях найм молодежи более привлекателен с точки зрения минимизации расходов на приобретение и потребление рабочей силы, хотя в некоторых областях, например, на управленческих позициях, просто необходим определенный опыт работы, и выпускники, не обладающие им, не могут занять соответствующее место в компании. Но вместе с позитивными факторами, влияющими на конкурентоспособность молодых

специалистов, имеется ряд объективных характеристик, предопределяющих настороженное отношение к ним со стороны работодателей. К их числу можно отнести:

- недостаточность или отсутствие профессионального опыта в сочетании с завышенными требованиями к условиям и оплате труда;
- неопределенность трудовых и профессиональных интересов;
- социальная и психологическая нестабильность и др.

Рассмотренные выше факторы в значительной степени определяют особенности поведения молодежи в сфере занятости: высокую мобильность и динамичность, специфическую структуру ее занятости (предпочтение частного сектора экономики). Многие работодатели, в свою очередь, используют выпускников не в соответствии с полученным образованием и квалификацией, а исходя из потребностей компании.

В последние годы заметно и резкое изменение профессиональных предпочтений молодежи при выборе отрасли. Так, если раньше молодые люди не считали привлекательной занятость в торговле и общественном питании, то сегодня названные сферы деятельности, а также бытовое обслуживание предпочитают производству и науке. Наиболее престижными выпускникам школ представляются профессии банковского служащего, менеджера, экономиста, юриста, коммерсанта. Ведущими мотивами профессионального выбора по-прежнему являются высокий уровень оплаты труда и престижность компании.

Исходя из этого, молодые специалисты должны развивать в себе гибкие механизмы приспособления к соответствующим изменениям на рынке труда, работать над усовершенствованием своих личностных качеств и уделять максимум времени приобретению практических навыков.

М. Ю. Мудрак

МОБИЛЬНОСТЬ СТУДЕНТА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Процессы глобализации, которые происходят в современном мире, побуждают студентов к интеграционным продвижениям в сфере образования, дальнейшего трудоустройства, а также к повышению коммуникативной активности. Усиливается спрос на выпускников вузов, подготовленных к деятельности в мультикультурной среде.

Говоря о коммуникативной активности, предполагается действие, отличающееся интенсификацией своих основных характеристик, направленное на обмен информацией различного характера и содержания, передаваемый целенаправленно для достижения понимания между партнерами в кросс-культурной среде.

Многие американские социологи считают, что современный мир зависит от непрерывной коммуникации, или взаимодействия между людьми, пространственно отдаленными друг от друга, поэтому если в традиционной культуре главное – локальные знания, то сегодня в мире наиболее важны средства коммуникации, способные дать более широкие по масштабу сведения.

Мобильность студентов – исключительно важный для личного и профессионального развития процесс. Он также является фактором для формирования конкурентоспособности будущего специалиста, поскольку студент сталкивается с необходимостью решения жизненных ситуаций и одновременного анализа их с позиции собственной и «чужой» культуры. Главным инструментом для проявления мобильности является коммуникативная активность студента, насколько он готов принять и поддержать культурные, языковые и профессиональные отличия «чужой» культуры, насколько он готов столкнуться и преодолеть языковые и культурные барьеры, чтобы достойно проявить себя как человека мобильного.

В настоящее время миграция академически ориентированной молодежи стала центральным звеном мировой системы высшего образования. Количественные показатели развития академической мобильности студентов очень внушительны: за последние

сорок лет прирост количества иностранных студентов во всем мире превысил общие темпы расширения сферы высшего образования. В нынешних условиях академическая мобильность стала неотъемлемой чертой современного образования и будет возрастать дальше.

Что касается Украины, то феномен академической мобильности еще не получил широкого распространения. Главной целью студентов проявить мобильность (то есть получить возможность обучения или стажировки за рубежом) на данный момент, к сожалению, является выезд в дальнейшем за границу на ПМЖ [1].

Таким образом, остается вопрос, как минимизировать академическую эмиграцию студенчества Украины и при этом не снижать уровень мобильности студента.

Литература

1. Сокурянская Л. Г. Исследования академической мобильности украинских студентов методом построения дерева классификации / Л. Г. Сокурянская, О. Л. Кислова // Вестн. Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Каразина. – 2011. – № 948. – С. 227.

Д. В. Недогонов

ИННОВАЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЙ

В настоящее время, когда информатизация общества формирует апостолические метаморфозы жизнедеятельности современного социума, все более актуализируются вопросы, связанные с фундаментализацией основных парадигм как научного, так и обыденного знаний. Современный человек, находясь в процессе постоянного совершенствования своих количественных и качественных компонент, приобретает все новые характеристики реализации своей деятельности. Общество как социальный организм вырабатывает инновационные методы и формы развития лишь для того, чтобы, по сути, удовлетворить приобретенные новые потребности в разных сферах современного социума. Удовлетворение процесса ради процесса влечет за собой анархизм бытия и современного сознания. В обществе, где классическая

методология научного анализа уступает в деятельности процессному и ситуационному подходу, на сегодняшний день не существует долгосрочных перспектив сущностного и содержательного развития.

Социальные процессы сегодня отвечают лишь на один вопрос: «как?». При этом развивающаяся парадигма не обращает внимания ни на методологию дедукции «почему?», ни на полипарадигмальную концепцию «зачем?», ни на историко-философские концепты «откуда?», «где?», «когда?» и др. Кроме того, по нашему мнению, в настоящий момент окончательно упущен и самый главный теоретико-методологический вопрос «что?» – суть сегодняшней социальной реальности. Современная парадигма развития, не отвечая на все эти вопросы, позиционирует и реализует в главенствующей фазе лишь один концепт «как?».

Вопросы инновационного развития общества волновали человечество всегда. Менялись исторические этапы и географические пункты, а актуальность обладания новым продуктом оставалась всегда. Общество развивается в априорном смысле, и поэтому инновационный продукт по своему содержанию является артефактом современного бытия социума. Однако следует отметить, что анализ основных классических концепций и подходов развития социума, проводимый различными учеными – социологами, философами, экономистами и др. – не раз доказывал, что пренебрежительное отношение современности к классике может обернуться весьма негативными последствиями для всего современного общества. Основным парадоксом нынешнего социального развития, по нашему мнению, является приоритет «вещности методики» над «анализом содержания» различных социальных процессов. Современность диктует нефункционализацию привычных социальных объектов. В обществе больше не востребован системный анализ структурированного социального явления или процесса. Сам же процесс рассматривается исключительно с позиции определенной ситуации. Ситуация – главная парадигма современного общества. Ни один из субъектов современности, включая социальные институты, на сегодняшний день не осуществляет в полной мере многофакторный анализ своей деятельности с точки зрения системного или функциональ-

ного подходов. Кроме того, функциональное поведение субъектов социума переориентировалось на совсем иные критерии развития. Ибо содержание своей деятельности отходит на вторые роли, уступая гонку за лидерство прагматичному результату. Однако суть проблемы состоит не просто в результате, ибо результат как абстрагированная реальность был доминантой и раньше, а в том, что современная парадигма не считается с содержательной стороной результата. Содержание в формате результативности приобрело новый концептуальный окрас результата формы, в котором учитываются исключительно формализованные аспекты процессного подхода.

По нашему мнению, такое положение дел в современном социуме формирует однозначную трактовку нецелесообразности преобладания инновационной деятельности как самоцели, ибо в условиях ситуационной парадигмы не способно выдать истинно новый качественный продукт.

О. В. Пастухова

ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ: РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИИ РАБОТНИКОВ

Повышенный интерес к проблеме социального капитала связан с широкими возможностями накопления с помощью социальных связей, доверия, норм определенного качественного опыта с перспективой дальнейшего формирования как общества в целом, так и его отдельных институциональных форм.

В целом социальный капитал выступает как форма объединения индивидов и более ориентирован вовне, поскольку соединяет субъектов, принадлежащих к разным социальным группам. Соединяющий социальный капитал в этой форме используется для поиска внешних ресурсов и обмена информацией.

Уяснение того, что социальный капитал пронизывает весь спектр горизонтальных и вертикальных связей, устанавливающихся в обществе, позволяет определить его как средство достижения цели сознательной деятельностью индивидов, организаций,

социальных групп и всего общества в рамках социальных сетей на основе доверия, общих норм и принятых правил. В результате гармонического учёта всех указанных общих и специфических характеристик социального капитала достигается согласованность принципов и методов управленческой деятельности, сохранение целостности развития всех сфер жизнедеятельности общества.

Типологическая модель структуры социального капитала отражает многообразие его проявлений в социальной жизни. В структуре социального капитала, по мнению некоторых исследователей, наиболее значительными являются те элементы, которые характеризуют его как динамический процесс, который изменяется во времени и пространстве. Обычно выделяют четыре элемента социального капитала – социальные сети, общие нормы, ценности и доверие. Известные философы и социологи (Лессер, Пруссак) рассматривают только три элемента, на основе которых формируется социальный капитал, – социальные сети, общие нормы и убеждения, а также доверие как обязательное условие его формирования.

Кратко проанализируем отдельные элементы социального капитала, используя для этого теоретические конструкты современных социологов, таких как Г. Зиммель, Р. Патнэм, С. Гошал, Э. Лессер, Б. Рутковский, В. Зинченко, И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксон, Ж. Симанавичене и др.

Согласно Р. Д. Патнэму *социальные сети* – это межличностное общение, которое автор еще называет гражданским обязательством. Патнэм акцентирует, что для формирования социального капитала наиболее важны социальные горизонтальные сети, в то же время вертикальные, основанные на иерархической структуре, препятствуют этому процессу. Исследователи утверждают, что социальные сети следует анализировать шире, включая не только неформальные, но и формальные сети. Структура социальной сети может быть открытой или закрытой.

Благодаря социальному капиталу можно лучше управлять внутренними и внешними отношениями в организации. Во-вторых, социальный капитал между несвязанными организациями помогает получить необходимую информацию.

А. Портес, Р. Патнэм и др. считают *нормы* взаимной помощи одним из элементов социального капитала. Взаимодействие индивидов основано на вере, что за все усилия или услуги будет отплачено тем же. Норма взаимной помощи поощряет сотрудничество и связывает общины. Она превращает индивидов из корыстных эгоцентриков в полноценных членов общества, которым не чужды интересы всеобщего благосостояния.

Формальные институции и *правила* оказывают значительное влияние на социальный капитал, прямо и косвенно воздействуя на структуру социальных сетей, нормы и убеждения. Дж. Барон и П. Дамблтон утверждают, что формальные организации большей частью устанавливают и изменяют неформальные сети. По мнению некоторых ученых, правительство оказывает прямое влияние на социальный капитал общества в зависимости от того, обеспечивает ли своим поведением доверие граждан.

В теории социального капитала ученые сравнительно мало внимания уделяют *убеждениям*. Дж. и С. Гошал утверждают, что убеждения, проявляющиеся как общее стратегическое видение, значимы для формирования социального капитала. Если в организации отсутствуют общие цели, сотрудничество теряет свой смысл. Подобного мнения придерживается и А. Портес: общий опыт и возникающие благодаря ему общие убеждения влияют на социальный капитал, потому что создают сильное чувство общности и солидарности.

Ученые по-разному расценивают влияние *доверия* на социальный капитал. Ф. Фукуяма приравнивает доверие к социальному капиталу, Р. Д. Патнэм расценивает его как элемент социального капитала, Э. Л. Лессер утверждает, что доверие представляет собой отдельное понятие и может быть как источником социального капитала, так и его результатом. Последнее мнение основывается на идее, что доверие и социальный капитал укрепляют друг друга.

Доверие работников порождает слаженность в работе коллектива, ускоряет процесс принятия и реализации решений, усиливает конкурентоспособность компании.

Управление современной организацией заключается не столько в осуществлении властных полномочий руководителями, сколько в способности помочь подчиненным развить их собственные

умения, проявлять о них заботу, направить их энергию на достижение общей цели. Но этого невозможно достичь с сотрудниками, деятельность которых строго регламентируется и которых используют в качестве «средства производства». Вот почему качество и зрелость современных руководителей проверяются на их отношениях с подчиненными. Для обеспечения доверия в организации наиболее результативным является стиль управления, который ориентирован на межличностные отношения.

Литература

1. Мачеринскене И. Социальный капитал организации: методология исследования / И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксон, Ж. Симанавичене // Социс – 2006. – №3.
2. Fukuyama F. The Great Disruption. Human nature and the reconstitution of social order / F. Fukuyama. – London : Profile Books, 1999.
3. Putnam R. D. Bowling Alone. The collapse and revival of American community / R. D. Putnam. – N.Y. : Simon and Shuster, 2000.
4. Lesser E. L. Communities of practice, social capital and organizational knowledge / E. L. Lesser, L. Prusak // Knowledge and communities / Ed. by Lesser E.L., Fontane M.A., Slusher J.A. – Boston : Butterworth Heinemann, 2000. – P. 123–131.

Д. В. Подлесный

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ УКРАИНЫ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

С начала 1990-х гг. в постсоветской академической среде не утихает дискуссия относительно роли высшей школы в развитии науки. При этом процесс постепенного переноса «центра тяжести» научных исследований на плечи вузов вызывает диаметрально противоположные оценки даже в среде ведущих ученых-научковедов. Такие условия требуют особой взвешенности и осторожности соответствующего направления государственной политики, которая, в том числе, обязана опираться и на исторический опыт. В этом контексте особое внимание привлекает период 1917–

1921 гг., который стал одним из ключевых в отечественной истории и охарактеризовался целым рядом попыток реорганизации отечественной системы науки и образования.

Как отмечают исследователи, по состоянию на 1917 г. высшая школа играла ведущую роль в развитии науки Российской империи [1, с. 24]. Именно здесь было сосредоточено подавляющее число научных кадров, формировались научные школы, функционировали научно-исследовательские общества. Соответственно, вузы и, прежде всего, классические университеты Киева, Харькова и Одессы имели статус главных научных центров на украинской территории.

Февральская революция 1917 г. не внесла коренных изменений в организацию научной работы, хотя такие шаги Временного правительства, как расширение вузовской автономии и либерализация получения ученых званий должны были, в том числе, стать дополнительным стимулом для активизации научно-исследовательской деятельности. В свою очередь, академическая элита смотрела на научную работу как на одно из приоритетных направлений функционирования высшей школы. Более того, в резолюции состоявшегося в июне 1917 г. Всероссийского академического съезда (в котором приняли участие и представители украинских университетов) было подчеркнуто, что высшая школа обязана иметь «чисто научный характер» [2]. В то же время, уже в 1917 г. научная работа высшей школы была поставлена под угрозу срыва из-за неблагоприятных внешних обстоятельств: экономического кризиса и эскалации политической борьбы, которая вскоре переросла в Гражданскую войну. Наиболее серьезными препятствиями для осуществления научных исследований были перебои с тепло- и энергообеспечением, рост цен на типографские услуги (вследствие которого вузы были вынуждены сократить объемы печатной продукции), наконец, связанное с инфляцией стремительное падение уровня жизни профессорско-преподавательского состава [3, с. 286; 4, с. 323]. Сосредоточиться на научной работе, естественно, мешали также нестабильность и неопределенность всех сфер общественной жизни, ставшие главными чертами социальной действительности эпохи Гражданской войны.

Однако даже в таких условиях ведущие вузы страны не прекращали научных изысканий. Так, в 1917–1918 гг. в Харь-

ковском университете был проведен ряд важных исследований в области истории (Д. И. Багалея, В. И. Савва, В. П. Бузескул, И. В. Нетушил), филологии (А. Я. Денисов, Д. К. Зеленин), юриспруденции (О. М. Анциферов), физики (О. П. Грузинцев), химии (А. И. Красусский), астрономии (Л. О. Струве, В. Г. Фесенков, М. М. Евдокимов) [3, с. 282, 286]. Научные исследования продолжались в Киевском и Одесском университетах, в которых работали такие известные ученые, как математики Д. П. Граве и Г. В. Пфейфер, химик С. Н. Реформаторский, физик Н. П. Кастерин, эпидемиолог Д. К. Заболотный, историки М. В. Довнар-Запольский и И. А. Линниченко, филолог Ю. А. Кулаковский, правовед Г. В. Спекторский и др. [4, с. 315]. При этом важно, что активная научная работа велась не только в дореволюционных университетах, которые имели сформировавшиеся научные школы и богатые традиции, но и в вузах, созданных после 1917 г. Так, открытый в октябре 1918 г. Каменец-Подольский украинский университет за время Гражданской войны успел издать шесть томов своих «Ученых записок» [5, с. 95].

До 1920 г. вузовская наука продолжала развиваться по дореволюционной схеме, согласно которой научная и педагогическая работа были неразрывно связаны друг с другом. Однако после третьего установления советской власти научная сфера подверглась коренной реорганизации. Во-первых, с февраля 1920 г. начался процесс ликвидации классических университетов, которые с XIX ст. имели статус ведущих научных учреждений Украины. Во-вторых, научная работа вузов была отделена от педагогической путем создания отдельных научно-исследовательских институтов и кафедр. Данное положение, впервые прозвучавшее в Декрете о высших технических учебных заведениях (10 августа 1920 г.), в 1921 г. было распространено на все вузы [6; 7, л. 3]. Необходимо отметить, что это нововведение было неоднозначно встречено академической общественностью, часть которой заявляла о недопустимости разграничения научной и педагогической работы высшей школы [6, с. 54].

Таким образом, в чрезвычайных условиях Революции и Гражданской войны отечественная высшая школа продолжала проводить активную научно-исследовательскую работу во всех ключевых отраслях научного знания. При этом в организации

научной деятельности вузов в период 1917–1921 гг. можно четко выделить два этапа. Первый этап, который длился до 1920 г., характеризовался тесной взаимосвязью научной и педагогической деятельности, которые осуществлялись в рамках одних и тех же структурных подразделений. На втором этапе, который начался после третьего установления власти большевиков, были приняты меры по отделению науки от образования, что стало первым шагом в формировании советской научной системы, основу которой составляли уже не вузы, а научно-исследовательские институты.

Литература

1. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начала XX века / А. Е. Иванов. – М. : АН СССР, 1991. – 392 с.
2. На московском академическом съезде // Речь. – 1917. – 17 июня.
3. Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. П. Духопельников, Б. В. Зайцев [та ін.]. – Х. : Фоліо, 2004. – 750 с.
4. Історія Київського університету. 1834–1959 / відпов. ред. О. З. Жмудський. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1959. – 629 с.
5. Кукурудзяк М. Г. З історії національної школи і педагогічної думки в УНР / М. Г. Кукурудзяк, М. М. Собчинська. – Кам'янець-Подільський : Абетка, 1997. – 175 с.
6. Підлісний Д. В. Радянська «професіоналізація» вітчизняної вищої школи (1920–1921 рр.) / Д. В. Підлісний // Історія та географія : зб. наук. праць / Харк. нац. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди. – Х., 2012. – Вип. 43. – С. 51–56.
7. Державний архів Харківської області. – Ф. Р-820. – Оп. 1. – Спр. 150.

3. В. Стахова

УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ В ОРГАНИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В КОМПАНИИ

Отказаться от затрат на развитие персонала можно, но это не сведет на нет процесс обучения в вашей компании. Он станет невидным и неуловимым, а если вы о чем-то не знаете, то, значит,

и не управляете. А зачем вам в компании вещь, которая вам не подконтрольна? Не лучше ли заставить это работать на себя и выстроить систему обучения?

Какое обучение нам необходимо и от чего нельзя отказываться, если мы ставим перед собой четкие цели в бизнесе? Что и в каком виде важно сохранять и развивать? И что это за корпоративное обучение, которое все-таки существует в организации в любом случае, но которым мы плохо управляем? И каким образом управлять?

Ответы на эти практически важные для любой компании вопросы требуют серьезного изучения и проведения, в том числе, психологических исследований, которые помогут повысить эффективность корпоративного обучения.

Прежде всего, отметим ряд особенностей корпоративного обучения.

Под корпоративным обучением понимают повышение образования и получение новых навыков и умений сотрудниками одной компании [1]. Целью корпоративного обучения является повышение эффективности работы каждого сотрудника в отдельности и всей компании в целом.

Все больше бизнес-структур проникаются важностью проведения корпоративного обучения. По материалам исследований западных специалистов, при увеличении расходов на корпоративное образование всего на 10% общая эффективность работы компании возрастает на 9% [4].

Существует множество различных видов корпоративного обучения: семинары, лекции, тренинги, деловые игры. Для каждой поставленной задачи тренер находит оптимальный способ обучения либо использует их комбинацию.

По регулярности проведения обучения его можно разделить на обучение систематическое и единоразовое – для решения конкретных задач.

Систематическое обучение проходят работники, условия труда которых постоянно изменяются, которым нужно постоянно адаптироваться к меняющейся ситуации, не теряя эффективности. К таким профессионалам можно отнести специалистов в области информационных технологий (они регулярно овладевают новыми

версиями программ) и ряд других, чья деятельность имеет инновационный характер.

Например, потребность в обучении для решения конкретной задачи может возникнуть в прибылеобразующих отделах при появлении нового товара в линейке. Иногда проводятся разовые тренинги для сплочения коллектива (так называемый тимбилдинг), по оптимизации рабочего времени (тайм-менеджмент) и так далее.

Для проведения корпоративного обучения может быть приглашен внешний тренер или тренинговая компания, которые получают конкретное задание и выстраивают процесс обучения в соответствии с поставленной задачей. Часто для корпоративного обучения используется внутренний (штатный) тренер. Иногда он совмещает обязанности внутреннего тренера с функциями менеджера по персоналу. Таким образом, компании экономят на приглашении внешних тренеров. Но у такого способа обучения есть и отрицательные стороны: ежедневная вовлеченность внутреннего тренера в проблемы предприятия не позволяет ему взглянуть на поставленную задачу «сверху» и увидеть новые пути ее решения. А также отношение персонала к штатному тренеру как к «своему» человеку может помешать полноценному восприятию материала.

Зачем компании организуют корпоративное обучение? Организация корпоративного обучения необходима для того, чтобы сотрудники:

- а) работали более эффективно;
- б) своевременно овладевали новыми знаниями, умениями и навыками;
- в) чтобы их знания и умения не приходили в противоречие со внутрикорпоративной средой, а напротив, соответствовали ее потребностям.

Многие крупные и даже средние компании ставят перед собой задачу создания корпоративных университетов. И здесь, кроме решения организационных и финансовых вопросов, необходим учет целого ряда психологических особенностей личности обучаемого, его мотивации к обучению, уровня интеллектуальных способностей и т. д. Системы корпоративного обучения могут создаваться с разными целями. Например, чтобы привлекать новых

специалистов, чтобы быть «не хуже конкурентов», чтобы увеличить стоимость компании, если та готовится к продаже [2].

Иная цель корпоративного обучения, когда компания стремится решать реальные задачи путем обучения своих сотрудников, когда учеба – это средство внедрения важных знаний / умений / навыков в работу коллектива. Для таких учебных подразделений справедливо «требования эффективности», то есть те правила, которые приходится выполнять, если необходим реальный – а не имиджевый – результат [3].

И здесь мы опять обращаемся к человеческому фактору. Решив организационные вопросы, связанные с функционированием корпоративного университета, мы не обеспечим оптимальную эффективность обучения, если не будем учитывать психологические особенности обучения взрослых. Более того, создавая корпоративные университеты при компаниях определенного профиля, мы должны учитывать особенности личности, мышления и стилей обучения их сотрудников.

В частности, мы предполагаем, что сотрудники IT-компаний имеют особенности в предпочитаемых стилях обучения, что обусловлено спецификой профессионально-значимых качеств личности представителей этой сферы. Знание этих особенностей и учет их в организации корпоративных университетов позволит достичь высоких показателей эффективности обучения сотрудников.

Литература

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг. – СПб. : Питер, 2004. – 832 с.
2. Магура М. И. Обучение персонала, как конкурентное преимущество / М. И. Магура, М. Б. Курбатова. – М. : ООО «Журнал «Управление персоналом», 2004. – 216 с.
3. Панфилова А. П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала : учеб. пособие / А. П. Панфилова. – СПб. : ИВЭСЭП, «Знание», 2003. – 536 с.
4. Терещук Н. И. Как сделать процесс обучения эффективным / Н. И. Терещук // Справочник по упр. персоналом. – 2003. – № 4.

Д. Е. Шевченко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ

Сегодня рынок ИТ динамично развивается, повышается зрелость заказчиков, их готовность к внедрению сложных инфраструктурных решений, требующих значительной технической поддержки, дополнительного обучения, специализированных знаний и т. п. Для выполнения задач, которые ставит перед ИТ-специалистами современный бизнес, нужна не только соответствующая квалификация, но и мотивация к работе.

В связи с этим на сегодняшний день особую актуальность приобретает необходимость изучения особенностей мотивации сотрудников, которые работают в сфере ИТ.

Вопросам мотивации персонала, в том числе в ИТ, посвящено немало работ, исследований, статей [5; 6; 7]. Мотивация – важнейший инструмент управления персоналом, без внимания к которому сегодня нельзя представить ни одну современную компанию. Для кого-то мощным стимулом является финансовая составляющая, кого-то побуждает двигаться вперед стремление совершенствовать себя, свои навыки, либо желание достичь вершины карьерной лестницы. Но еще Дейл Карнеги писал: *«На свете есть только один способ побудить кого-либо что-то сделать. И он заключается в том, чтобы заставить другого человека захотеть это сделать. Помните – другого способа нет».*

С точки зрения психологической науки, мотивация – это заинтересованность человека, обоснование его желаний и стремлений. Это сочетание интеллектуальных, физиологических и психических процессов, которые в конкретных ситуациях определяют то, насколько решительно действует человек и в каком направлении сосредоточивается его энергия [8].

Однако для того, чтобы создать эффективную систему мотивации ИТ-специалистов, необходимо в первую очередь понять саму специфику области ИТ и особенности людей, работающих в этой области.

Как и у других групп работников, мотивация ИТ-персонала базируется на потребностях и ценностях, достаточно глубоко

изученных в обширной научной литературе по проблемам трудовой мотивации [2; 3; 4]. В то же время имеет место определенная, а подчас – весьма значительная специфика, обусловленная особенностями менталитета, ценностных ориентаций и установок IT-специалистов. Опросы HR-менеджеров, работающих в IT-компаниях, и собственные наблюдения позволили выделить ряд характерных черт этих специалистов:

- высокая степень общительности в профессиональной сфере;
- мотивированность значимостью своей работы;
- сложности в понимании организационных вопросов, таких как обязательный приход на работу в определенное время, соблюдение корпоративного стиля в одежде и др.;
- высокий интеллектуальный уровень;
- стремление к обучению и профессиональному росту;
- повышенная степень беспокойства, нетерпеливости и требовательности по отношению к себе.

Учитывая особенности работы IT-специалистов и их образа жизни, как психологи-теоретики, так и менеджеры по управлению персоналом в области IT сходятся во мнении, что особое значение для этих работников имеет внутренняя мотивация. Именно представители IT-области чаще способны отказаться от высокой зарплаты, если им неинтересно содержание их работы.

При современном развитии информационных технологий компании вынуждены уделять пристальное внимание вопросам привлечения и удержания сотрудников. Знание того, чем недоволен персонал, позволит компании стать более успешным работодателем для IT-специалистов, выстроить эффективные схемы материальной мотивации, а также систему профессионального роста и развития.

IT-специалисты в подавляющем большинстве обладают творческими способностями, у них часто возникают новые идеи и неординарное видение путей решения задачи. Такую инициативу необходимо грамотно поддерживать, иначе она может умереть вместе с мотивацией сотрудника. Руководству важно находить возможность общаться с сотрудниками, быть внимательным к высказанным ими идеям и поддерживать их инициативу.

Довольные сотрудники – залог успешной работы любой компании. Очень важно создание чувства принадлежности

у любого профессионала и следование общим целям организации. И не всегда лояльность сотрудников можно купить. Ключевым элементом в создании рабочей атмосферы, мотивирующей сотрудников, является осознание того, чего хочет каждый работник и что ему необходимо.

Поэтому и с теоретической, и с практической точек зрения важной является разработка проблем мотивации специалистов, работающих в IT-сфере. Но эффективность этой работы во многом зависит от психологических исследований, направленных на выявление специфики мотивации этой категории сотрудников. Мы предполагаем, что эти особенности проявятся в уровне мотивации к успеху и избеганию неудач, в иерархии карьерных ориентаций, в ведущих мотивах трудовой деятельности, в системе терминальных и инструментальных ценностей.

Литература

1. Иванова С. В. Мотивация на 100%: А где же у него кнопка? / С. В. Иванова. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 288 с.
2. Самоукина Н. Эффективная мотивация персонала при минимальных финансовых затратах / Н. Самоукина. – М. : Вершина, 2006. – 244 с.
3. Прайор Карен. Не рычите на собаку! Книга о дрессировке людей, животных и самого себя / Карен Прайор. – М. : Эксмо, 2009. – 288 с.
4. Крымов А. Вы – управляющий персоналом / А. Крымов. – М. : Бератор, 2004. – 83 с.
5. Шарова Е. Три кита мотивации IT-специалистов [Электронный ресурс] / Е. Шарова. – Режим доступа: <http://www.osp.ru/cio/2007/08/4326047/>
6. Особенности мотивации в IT [Электронный ресурс] // IT и управление. – Режим доступа: <http://www.vkuzmin.com/2010/12/it.html>
7. Мотивация сотрудников сферы IT [Электронный ресурс] // Новости IT. – Режим доступа: <http://admin-vestnik.ru/novosti/motivaciya-sotrudnikov-sfery-it.html>
8. Понятие мотивации [Электронный ресурс] // Психология управления. – Режим доступа: <http://psylist.net/uprav/ponat.htm>

Н. И. Шкурапет

**ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ
ЗДОРОВЬЕФОРМИРУЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

В последние десятилетия, по данным МОЗ Украины, состояние здоровья нации катастрофически ухудшается. Негативные тенденции современного динамичного, информационно насыщенного мира существенно отражаются на здоровье подрастающего поколения: количество здоровых детей и подростков едва достигает пятой доли от их общего числа; около трети детей, поступивших в школу, уже имеет хроническую патологию. По данным статистики, наряду с многочисленными «школьными болезнями» (заболевания органов зрения, пищеварения, дыхания, сердечно-сосудистые заболевания) наблюдается негативная тенденция в показателях психического и духовного состояния здоровья учащихся. Возрастает количество нервно-психических отклонений, нередки случаи суицидов среди подростков младше 15 лет. Употребление алкогольных напитков, наркотических веществ, табакокурение становится, к сожалению, обычным явлением в среде большинства подростков. Это свидетельствует о недостаточной сформированности у детей стереотипов здоровьесформирующего поведения, ценностного отношения к своему здоровью.

В то же время известно, что ориентации на здоровье и здоровый образ жизни не могут возникать у ребенка сами по себе. Их формирование происходит в результате воспитания и обучения. В обществе превалирует мнение, что именно учебное заведение играет ведущую роль в этом процессе, при этом роль семьи, здравоохранения, средств массовой информации рассматривается как второстепенная. А вместе с тем, рост заболеваемости у детей напрямую зависит от условий жизни в семье, санитарной грамотности, гигиенической культуры родителей, уровня их образования, а также связан с отказом родителей вести здоровый образ жизни.

Именно в раннем детстве формируются зачатки общей культуры поведения под воздействием примера родителей и знакомых,

закладывается фундамент физического и психического здоровья. Будет ли этот фундамент достаточно прочным – зависит от родителей, от того, как они воспитывают детей, какие полезные привычки вырабатывают у них.

Влияние семьи на формирование стереотипов здоровьесформирующего поведения детей системно изучается на протяжении более пяти лет в Харьковской гимназии № 14, в том числе и в рамках исследований, осуществляемых совместно со специалистами Института охраны здоровья детей и подростков Академии медицинских наук Украины. Так, проведенное анкетирование 154 учащихся 9-х классов в возрасте 14–16 лет позволило выявить определенную зависимость: чем выше процент распространенности вредных привычек у родителей, тем выше он у наших респондентов. Школа лишь вносит коррективы в дальнейшее развитие образа жизни личности.

Для подтверждения выдвинутой нами гипотезы приведем данные, полученные в ходе анкетирования в 2009 и 2010 гг. В первом случае мы выяснили, что пятьдесят процентов отцов наших подростков курят, сорок шесть процентов регулярно употребляют спиртные напитки.

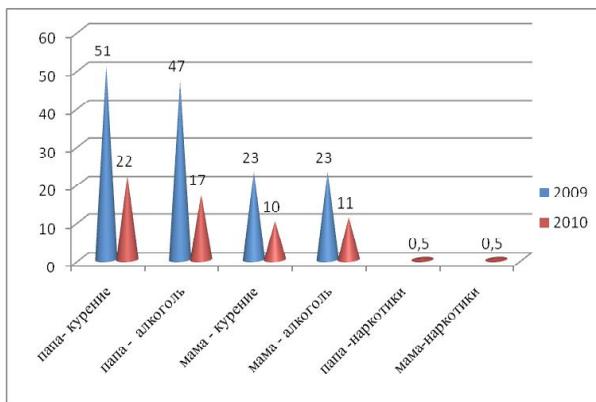

Рис 1. Распределение ответов респондентов о наличии вредных привычек у родителей

Как указано на рис. 1, для 23% мам стало нормой курение и употребление в семье спиртных напитков. По данным 2010 года можно наблюдать более благоприятную ситуацию, как в вопросе курения, так и употребления алкогольных напитков (не более 20% – для отцов и на уровне 10% – для матерей). Вместе с тем 0,5% респондентов (из общего числа респондентов-девушек – 2%) отметили, что их родители употребляют вещества наркотического характера.

Так каков же уровень проявления вредных привычек у подростков, в какой степени образ жизни родителей влияет на стиль поведения их детей?

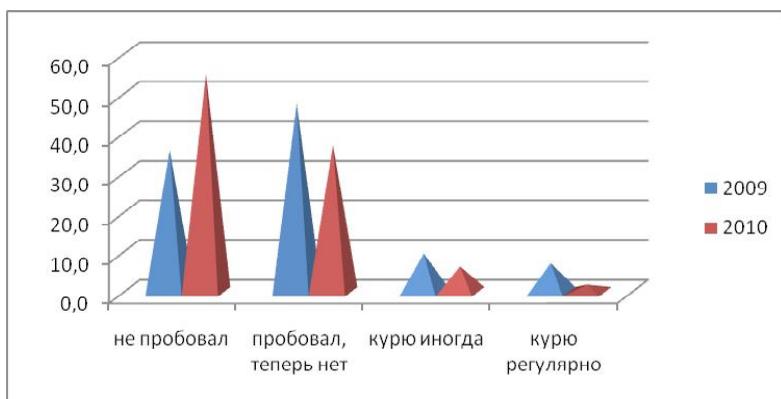

Рис. 2. Удельный вес ответов респондентов на вопрос о табакокурении

Значительная часть респондентов 2009 года не только испробовали вкус сигарет, но и продолжают курить. Причем более 12% девушек и 11% юношей причисляют себя к разряду заядлых курильщиков, несмотря на то что владеют информацией о вреде курения. Среди причин пристрастия подростков к курению чаще других звучат следующие: «подражание старшим», «от нечего делать», «снятие эмоционального напряжения», «назло родителям». Для 2010 года удельный вес активных курильщиков (5–10 сигарет в сутки) составляет не более 1,5%.

Кроме курения, негативное воздействие на организм подростка оказывают спиртные напитки. К сожалению, подростки знакомы не только со вкусом слабоалкогольных, но и крепких напитков, таких как коньяк, водка. И подтверждением тому служат результаты анкетирования 2009 года: крепкие спиртные напитки не пробовали 78% респондентов, пробовали хотя бы один раз – 14%, еженедельно употребляют – 6%, ежедневно – 3%. Что касается употребления вина – не пробовало ни разу 47%, единожды – 42%, еженедельно – 8%, ежедневно – 3%. Такие напитки как ром-кола, бренди-кола 11% респондентов пьют несколько раз в неделю, 3% – ежедневно. Пиво употребляют еженедельно – 17 %, несколько раз в неделю – 7 %, ежедневно – 7%. Тридцать процентов юношей пригубили «рюмочку» в возрасте до десяти лет, и в большинстве случаев это происходило с ведома и согласия родителей в честь какого-либо торжества. Практически все мальчики получили первый опыт употребления спиртных напитков до 13 лет, 70% девушек – в возрасте 12–14 лет. К сожалению, родители практически спокойно относятся к данным проявлениям вредных привычек. Курение детей или употребление ими спиртных напитков является причиной конфликтов в семье лишь для 8% респондентов, и, как ни странно, в большинстве случаев для юношей. В общении с детьми лишь пять процентов всех разговоров посвящается проблеме «здоровье родителей – здоровье детей», восемь процентов – информации о вреде алкоголя, курения, наркотиков.

Результаты анкетирования 2010 года показали, что велик удельный вес подростков, которые ни разу не пили крепкие спиртные напитки (91%), из числа остальных респондентов 1% употребляет еженедельно и столько же ежедневно. Слабоалкогольные напитки (ром-кола, бренди-кола), которые практически свободно приобретаются подростками в точках розничной торговли, лишь пять процентов респондентов употребляют 2–3 раза в неделю. Вино, шампанское не пробовали ни разу 57% подростков, единожды пили – 40%, продолжают употреблять еженедельно – 2%, два раза в неделю – 1%. Слабым утешением служит тот факт, что 9% подростков пьют пиво лишь один раз в неделю. Радует, что остальные данный напиток не употребляют вообще.

Вместе с тем, в отличие от 2009 года, возникла проблема иного характера: около пяти процентов респондентов единожды испробовали химические вещества наркотического характера еще в двенадцати-тринадцатилетнем возрасте. Следовательно, пример употребления данных веществ в среде родителей нашел отражение и в поведении детей.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– чем ниже уровень культуры здоровья у родителей, тем больше вероятность формирования вредных привычек, избавиться от которых бывает в дальнейшем очень трудно, у их детей;

– уровень знаний и умений многих родителей в области воспитания привычки к здоровому образу жизни невысок. К сожалению, интерес к данной проблеме возникает лишь тогда, когда у ребёнка проявляются признаки раннего алкоголизма;

– довольно высокий процент родителей не осознают, что им необходимо не только направлять детей на путь здоровья, но и вести их за собой по этому пути;

– школе необходимо более активно включать в процесс обучения искусству укрепления здоровья не только родителей нынешних учеников, но и будущих.

Литература

1. Вакуленко О. В. Аспекты здоровья / О. В. Вакуленко, О. О. Стойка, Л. Н. Шнарченко. – К. : Гос. ин-т проблем семьи и молодежи, 2002. – Кн. 3. – 27 с.

2. Дядюнова И. А. Педагогика: Воспитательный потенциал семьи и социализация детей / И. А. Дядюнова. – М. : Просвещение, 1999. – 87 с.

3. Лоранский Д. Н. Азбука здоровья: Книга для молодежи / Д. Н. Лоранский, В. С. Лукьянов. – М. : Просвещение, 1990. – 432 с.

4. Петряевская Л. Г. Образование родителей и школа / Л. Г. Петряевская. – М. : Астрель, 1999. – 345 с.

5. Формирование здорового способа жизни молодежи: стратегия развития украинского общества / под ред. А. Яременко. Кн. 2–6. – К. : УИСД, 2004.

Проблемы экономики и права в контексте инновационного развития современного общества

Е. В. Астахова (мл.)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ГОСУДАРСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Образование в современном мире – один из важнейших факторов экономического развития, так как образовательный потенциал общества является результатом действия многих факторов, которые влияют на экономический рост. Образование завтра – это ответ общества на требования экономики и политики сегодня, реакция на материальные, культурные и социальные потребности общества.

Одним из основных макроэкономических подходов, используемых для анализа взаимозависимости экономического благосостояния государства и системы образования, является неоклассическая теория роста Р. Солоу, согласно которой человеческий капитал рассматривают как внешний фактор производства, повышающий уровень производительности и отдачи. Авторы Н. Манкива, Д. Ромера, являющиеся сторонниками теории эндогенного роста, считают, что кроме статистического влияния человеческого капитала на уровень производительности, существует дополнительное воздействие: чем выше уровень человеческого капитала в экономике, тем выше уровень инноваций, ведущий к росту темпов увеличения производительности [2]. Ханушек и Восманн показали, что более высокое образование связано с более высокими личными доходами, и в разных странах уровень доходности составляет примерно 10% за дополнительный год образования. В частности, в США, по данным статистики, каждый год, затраченный на учебу, повышает зарплату работника в среднем на 10%. Д. Минсер доказал, что получать образование материально выгодно, прежде всего, для самих учащихся. По его подсчетам, каждый лишний год обучения увеличивает доход человека, занятого вне сферы сельскохозяйственного производства, на 7% [3].

Мэддисон установил, что чем выше доля образованных людей в численности населения страны, тем выше темпы экономического роста. Он также вывел зависимость, согласно которой увеличение ассигнований на образование на 1% ведет к увеличению валового внутреннего продукта страны на 0,35%. По данным неоклассиков, увеличение среднего времени обучения населения на 1 год повышает уровень производства на душу населения на 3–6%. По мнению представителей теории экономического роста, увеличение времени обучения на 1 год дает 1% ускорения темпов экономического роста [5].

Кроме того, доказано, что достигнутый образовательный потенциал общества дает наибольший экономический эффект через 20–25 лет [1]. Существование подобного лага можно объяснить социально-психологическим и статистическим факторами. Человек обучается в детстве и юности, но приобретенные знания получает возможность реализовать в лучшем случае спустя 20–25 лет, в зрелом возрасте, когда достигает социального статуса, позволяющего ему принимать ответственные экономические решения. Билз и Кленотан установили обратную зависимость: причинно-следственное влияние более высоких темпов экономического роста на потребности в дополнительном образовании [4].

Расчитанный Всемирным банком индекс экономики знаний (The Knowledge Index) – комплексный показатель, характеризующий уровень развития экономики, основанной на знаниях, в странах и регионах мира, учитывающий институциональную инфраструктуру, уровень образования, развитие инновационной системы, развитие информационных технологий и коммуникаций среди 128 государств. При всех способах учета и расчета переменных этот показатель не опускается ниже 0,8. Из этого следует, что изменения образовательного уровня населения более чем на 80% определяют экономический рост общества и, значит, вклад прочих факторов на 20%.

Согласно рейтингу, по данным исследования Всемирного банка, чем богаче государство – тем выше его показатели индекса образованности. То есть существует и обратная связь между уровнем развития экономики государства и заинтересованностью общества в повышении интеллектуального уровня, а как следст-

вие – роста научно-технического потенциала и, соответственно, еще большего экономического роста. Таким образом, система образования может оказывать достаточно весомое, хотя и косвенное влияние на потенциальные возможности государства к экономическому росту, проявляющиеся в долгосрочном периоде на макроэкономических показателях.

Литература

1. Вегелерс Р. Вклад университетов в экономическое развитие // Экономика образования. – 2010. – № 2 (57). – С. 74–81.

2. Вклад университетов в экономическое развитие // Экономика образования. – 2010. – № 2 (57). – С. 74–81.

3. Грей Ш. Налогово-бюджетная политика и экономический рост [Электронный ресурс] / Ш. Грей, Т. Лейн. – Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/ESAEEXT/Resources/258598-1182779443519/Fiscal_Policy_and_Economic_Growth_rus_090507.pdf

4. Если мы такие образованные, то почему такие бедные? [Электронный ресурс] : реформирование системы образования: взгляд экономиста / Юрий Витренко // Зеркало недели. – 2011. – 28 янв. (№ 3). – Режим доступа: http://zn.ua/EDUCATION/esli_my_takie_образованные,_to_pochemu_takie_bednye_reformirovanie_sistemy_образованиya_vzglyad_ekon-74249.html.

5. Образование и экономический рост: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Российский образовательный портал / М-во образования и науки РФ. – 2005. – 19 мая. – Режим доступа: http://www.school.edu.ru/news.asp?ob_no=24792.

6. Питухин Е. А. Влияние человеческого капитала на производительность труда в секторах экономики, соответствующих приоритетным направлениям развития науки, технологии и техники [Электронный ресурс] / Е. А. Питухин, А. А. Яковлева // Документы. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-421940.html>.

7. Российские учителя оказались чужими на празднике жизни [Электронный ресурс] // Независимая Газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2011-02-09/4_teachers.html

Shamini Dias

ADAPTIVE TEACHING FOR THE CREATIVE KNOWLEDGE ECONOMY

Teachers reach out to touch the future. Essentially, we nurture in students the skills, knowledge, mindsets, and capacities they will need to succeed in their lives and careers. Dewey in his time wrote that ‘it is impossible to foretell definitely just what civilization will be twenty years from now. Hence it is impossible to prepare the child for any precise set of conditions. To prepare him for the future life means to give him command of himself’ (Dewey, 1897; p. 78). Today, this notion of an unpredictable future for which we prepare our children is more acutely true than ever before. We are moving from an industrial to a post-industrial knowledge and creative economy. The hallmark of our working and living globalized space is a rich diversity and an intense multiplicity of perspectives that are simultaneously inter-connected, but which are all shifting and changing more rapidly than ever before. Change and unpredictability are the only constants we can really count on today.

We are increasingly aware of a microcosm of such a world in our classrooms. Diversity is a watchword. Students with different learning styles, needs, interests, and cultures enter the same learning space. As technology, specifically web-based communication technology, is increasingly embedded in our lives, the manner in which we find, access, share, and construct information is changing. The teacher is no longer the fount of all knowledge; the student can contribute to the learning process in multiple ways, often beyond the ken of their teachers.

The implications for our children are both promising and threatening. They are likely to be global citizens, working with diverse people and ideas. Opportunities will abound in careers and personal experiences as never before. But this means constantly navigating change and instability. Whether they do this with equanimity that leads to success, or are defeated by such a world depends on us. We cannot give them knowledge merely. We must help them develop today the mindsets and skills they need to move forward strongly tomorrow. We are responsible to give them learning resilience and agility so they are equipped to navigate the turbulence of constant change and shifting

diversity. We are responsible to ensure they are learners for life and can «learn, unlearn, and relearn» (Toffler, 1973).

The combination of the immediate complex contexts of the classroom and the larger world and future we prepare students for presents both wonderful opportunities and serious challenges in aligning how we teach and learn to the emerging world our students will enter. We must understand the 21st century personality. We must commit to exploring teaching and learning approaches that will enable us to nurture it in all our students. And therefore, we must move toward transforming the pedagogies on which we build our futures.

This presentation has two parts. I first clarify the mindsets and skills that make up the 21st century personality, mapping them to principles on which we can build an effective pedagogy for the 21st century. This 21st century personality will be demonstrated to be congruent to complex adaptive systems using Snowden's (2003, 2007) model of complexity thinking and sense-making, and grounded in resilience and creative capacities. This complexity model will also be used to re-interpret Piaget's model of learning assimilation and accommodation to show how deep learning is a process of knowledge construction through complex adaptive processes. I argue that the congruence between the 21st century personality, the complex nature of classrooms, and deep learning processes, points us toward a pedagogy for adaptive teaching and learning. In the second part, I apply adaptive pedagogy to present specific ideas and approaches that use creative, experiential processes where students and teachers co-construct learning, and which can be used across many different subjects and levels. I will also demonstrate how these approaches are effective not just in developing mastery of subject skills and contents, but also nurture the development of the mindsets and capacities that make up the 21st century personality.

The further aim of this presentation is to invite educators who are interested to collaborate to try these approaches and develop applications of adaptive pedagogy in their own classrooms, and to share ideas with each other on a wiki space that will be established for that purpose over the span of a year. This will make our own professional development a creative, experiential process as well, where we co-construct our learning as we improve our pedagogy. Only then can we truly reach out and touch the future with our students.

References

1. Wright, D. B. (2005). Teaching and Learning Trainings 2003/2005.
2. Smith, D. D., & Tyler, N. C. (2010). Introduction to special education: Makinga.
3. Difference (7th ed.). – Boston, MA : Pearson Education, Inc.

О. В. Дурандина

ПРОЕКТНЫЕ СТУДИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КАК СПОСОБ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Результаты исследований факторов эффективности компаний показывают, что сотрудник начинает создавать положительную ценность для компании только после двух лет работы в ней [1]. Отсутствие практического опыта у нового сотрудника означает для компании дополнительные инвестиции в его «практическое доучивание», срок окупаемости которых иногда достигает двух лет. Это объясняет тот факт, что работодатели предпочитают нанимать тех выпускников, которые обладают реальными навыками работы по специальности и способны быстро ориентироваться в решении возникающих на практике задач.

Одним из новых методов обучения, ориентированных на развитие практических навыков у студентов, является проектная студия. Концепция проектной студии активно используется американскими и европейскими университетами. Проектная студия – новая платформа обучения, основанная на партнерстве преподавателя кафедры и практика из бизнеса.

Студия предполагает работу студентов над реальным проектом, тему которого «приносит» практик из своего бизнеса. Работа по проекту должна быть выполнена на базе реальных данных, иметь практическую ценность, учитывать современные научные и теоретические подходы при решении задач.

Основа работы проектной студии – это совместное преподавание практика и преподавателя вуза. Представители компании ставят перед студентами большую проблему, предоставляют данные, дают обратную связь, консультируют студентов и рецензируют выполненную работу. Преподаватели кафедры разбивают

проблему на мелкие части и выдают задание группам студентов, осуществляют методическую поддержку.

Рассматривая организацию работы проектной студии как проект, можно выделить следующие этапы работы:

Этап 1. Поиск партнера и выбор проекта.

Этап 2. Описание целей, задач и ожидаемых результатов проектной студии, информирование студентов.

Этап 3. Проведение установочного семинара и выдача студентам задания для выполнения проекта.

Этап 4. Написание отчета.

Этап 5. Проведение финальной презентации студентов по полученным результатам.

Этап 6. Оценка результатов.

Одна из проблем при запуске студии – найти ей место в учебном процессе. Решением данной проблемы может быть организация проектной студии в качестве учебного курса по выбору студента.

Литература

1. Райхельд Фредерик Ф. Эффект лояльности / Фредерик Ф. Райхельд ; пер. с англ. и ред. – М., 2005. – 384 с.

Е. В. Жуковская

ДОВЕРИЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Мировой финансовый кризис поставил вопрос об исследовании механизмов влияния доверия на экономические процессы и явления. Несмотря на то, что доверие является неотъемлемым элементом реализации экономических отношений, его не принято относить к предметному полю экономической теории.

Исторически, в силу своей специфики, доверие исследуется широким спектром гуманитарных наук (социология, психология, политология, философия, экономика), а также на их стыках. Междисциплинарный характер категории доверия проявляется в существовании большого числа разнообразных определений и типологий доверия, в основном отвечающих целям конкретных

исследований. Методологический материал изучения доверия, разработанный в рамках комплекса гуманитарных наук, является основой для понимания сущности проявления доверия в сфере экономических отношений, его функции и места в хозяйственной системе.

Чтобы адекватно интерпретировать роль доверия в развитии экономических процессов, необходимо дать такое определение доверию как экономической категории, которое отражало бы не только внутреннюю природу, сущность и структуру данного отношения, но и предполагало механизмы его взаимосвязи с экономической реальностью. А. А. Гриценко дает следующее определение доверию в экономической сфере как отношению к субъектам и институтам, выражающее меру уверенности в соответствии их поведения представлениям об их образе действий, включенных через различные формы совместно-разделенной деятельности в процесс достижения цели, без актуализации оснований возмещения затрат, эквивалентности и прибыльности (доходности) [1, с. 26].

С нашей точки зрения, в данном определении не отмечено, что для того, чтобы наступили экономические последствия доверия, оно должно перейти в активную фазу: доверие должно реализоваться посредством действий экономических агентов. Также не отмечена возможность, условия и последствия превращения доверия в часть рутины и его связь с историческим развитием конкретного общества, что крайне важно для анализа механизмов трансформации экономической системы. Решить данные проблемы помогает институциональный подход в определении природы доверия, закономерностей его реализации и влияния на другие элементы экономической системы.

С точки зрения институциональной теории, утверждение института доверия обусловлено национальными культурными особенностями и исторической памятью [2, с. 75].

Методологические основы данного подхода лежат в работах представителей неинституционализма Д. Норта и О. Уильямса. Главной заслугой институционального подхода является идентификация взаимосвязи между доверием и уровнем транзакционных издержек.

Применяя институциональную методологию исследования

доверия, мы доказываем, что в системе экономических отношений оно проявляется как неформальная норма поведения.

Норма доверия – норма поведения, при которой действия субъекта подразумевают его положительное мнение относительно добросовестности, надежности либо качества объекта доверия и принятие субъектом рисков, связанных с необоснованностью данного мнения. При институционализации нормы доверия такое поведение становится общепринятым и ожидаемым при социальных взаимодействиях. Подкрепляясь механизмом внешнего принуждения, норма доверия становится общеобязательной для выполнения экономическими агентами и включается в систему институциональных рамок осуществления хозяйственной деятельности.

Литература

1. Гриценко А. А. Внутренняя структура доверия / А. А. Гриценко // Экономическая теория. – 2010. – № 3. – С. 20–27.
2. Малый И. И. Эволюция доверия в триаде отношений: государство – фирмы – домашние хозяйства / И. И. Малый // Экономическая теория. – 2010. – № 3. – С. 73–80.

О. В. Иванюченко

ВИЗНАЧЕННЯ ПОНЯТТЯ «КОМП'ЮТЕРНА ПРОГРАМА» В АВТОРСЬКОМУ ПРАВІ

До класичного сучасного авторського права можна віднести ту редакцію Закону України «Про авторське право і суміжні права», в якій комп'ютерна програма прирівняна до літературного твору, але в ньому відсутній її опис, визначення поняття. Є лише назва – наприклад, «комп'ютерна програма» або «програма для ЕОМ» тощо. Так, у Законах Латвії [1], Естонії [2], Узбекистану [3] «Про авторське право і суміжні права» наводиться лише термін «комп'ютерна програма», але зміст його не розкривається. І навпаки, до сучасного, але некласичного авторського права можна віднести таку редакцію Закону України «Про авторське право і суміжні права», в якій «комп'ютерна програма» прирівняна

до літературного твору і є опис її змісту. Останнє свідчить про те, що «комп'ютерна програма» є різнобідним, не притаманним об'єктом права в межах класичного авторського права, – явищем тимчасовим. Новому об'єкту права – «комп'ютерній програмі» – потрібен новий інститут або субінститут права.

Слід також звернути увагу на шлях формування сучасної судової практики в Україні. Аналіз судових справ з 2007 по 2010 роки показав, що один і той самий об'єкт права називають по-різному [4]. Так, в одній справі використовуються терміни: «комп'ютерна програма», «програмне забезпечення» та «програма для ЕОМ» [5]; у другій – «програмне забезпечення», «комп'ютерне програмне забезпечення», «програми для ЕОМ» [6]; у третій – один термін: «математичне забезпечення» [7]; в четвертій справі – «програмне забезпечення», «програма», «математичне забезпечення» [8]; в п'ятій справі – «комп'ютерна програма», «програмний засіб» і «програмний комплекс», «програмне забезпечення» [9]; в шостій – «програмне забезпечення», «програмний засіб», «алгоритм».

Таким чином, на нашу думку, діюче законодавство України про авторське право, ставши на шлях некласичної позиції, – даючи опис змісту нетипового об'єкта права, яким є «комп'ютерна програма», робить «позитивну роботу» – у своїх «надрах» готує новий інститут права.

Література

1. Об авторском праве : Закон Латвии от 6 апреля 2000 года [Электронный ресурс] // Право и средства массовой информации. – Режим доступа: www.medialaw.ru. – Загл. с экрана.

2. Об авторском праве : Закон Эстонии от 11 ноября 1992 г.; с изменениями от 09.04.2008 (RTI, 2008, 18, 123) с 15.05.2008 // Ведомости ЭР. – 1992. – № 49.

3. Об авторском праве и смежных правах : Закон Республики Узбекистан от 23 марта 2006 г. // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 20 июля 2006 года № ЗРУ-42.

4. Єдиний державний реєстр судових рішень [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://reyestr.court.gov.ua/>. – Назва з екрану.

5. Рішення Господарського суду Одеської області від 06 лютого

2008 р. Справа № 11/279-07-8387 За позовом: Закритого акціонерного товариства «ІС Акціонерне товариство»; До відповідача: Фізичної особи-підприємця ОСОБА_1; про стягнення 69000,00 грн. та зобов'язання до вчинення певних дій.

6. Постанова окружного адміністративного суду Автономної Республіки Крим від 12.08.10–13.08.10, Справа № 2а-15066/09/8/0170, за позовом Кримської Республіканської санітарно-епідеміологічної станції до Контрольно-ревізійного управління в АР Крим, про визнання протиправною та скасування вимоги.

7. Рішення Господарського суду Харківської області від 11 вересня 2006 р. Справа № 47/337-06 вх. № 8611/5-47, за позовом Відкритого акціонерного товариства «Харківський верстатобудівельний завод», м. Харків до Суб'єкта підприємницької діяльності – фізичної особи ОСОБА_1, м. Харків про стягнення 5546,20 грн. Вирок Печерського районного суду м. Києва від 25 жовтня 2010 р. Справа № 1-472/10, Особа_1 у вчиненні злочину, передбаченого ст. 15 ч. 2, 191 ч. 5 КК України.

8. Постанова Вінницького окружного адміністративного суду 19 січня 2010 р. Справа № 2-а-4689/09/0270, за позовом: державного службовця Управління праці та соціального захисту населення Жмеринської райдержадміністрації ОСОБА_1 до: Управління праці та соціального захисту населення Жмеринської райдержадміністрації про: скасування та визнання протизаконним в частині наказ, зобов'язання вчинити певні дії та стягнення моральної шкоди.

9. Постанова Соснівського районного суду м. Черкаси 02 вересня 2009 року. Кримінальна справа по обвинуваченню ОСОБА_1, у вчиненні злочину, передбаченого ч. 1 ст. 361-1 КК України.

П. В. Нестеренко

ПРОБЛЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ И ФРАНЦИИ

Уже в конце прошлого века стало очевидным, что традиционная система образования не справляется с решением тех образовательных проблем, которые возникают в ходе развития общества.

Одной из важнейших задач становится задача организации целенаправленного дополнительного профессионального обучения, обеспечивающего повышение квалификации и переподготовку взрослого населения. Обучение в течение всей жизни является стратегическим направлением развития мировой системы образования. Что касается правового закрепления непрерывного образования, то следует указать на наличие большого количества международных актов, деклараций, конвенций, решений и других документов международных организаций, где делается акцент на возможности продолжения образования в зрелом возрасте как одном из прав человека, и которое рассматривается сейчас как путь преодоления кризиса образовательной системы.

Если обратиться к национальному законодательству, то среди основных нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в системе непрерывного образования, можно назвать закон Украины «О высшем образовании», «Государственную национальную программу «Образование» («Украина XXI век»), «Национальную доктрину развития образования», «Концепцию Государственной программы развития образования на 2006–2020 годы», а также положения о системе подготовки, переподготовки и повышения квалификации по отдельным отраслям народного хозяйства. Однако специального закона о «lifelong education» принято так и не было, хотя МОН Украины в 2006 году был предложен для обсуждения проект закона «О последипломном образовании», который не получил достаточной поддержки. Что касается трех проектов «обновленного» закона «О высшем образовании», то только в проекте закона, подготовленном МОНМС Украины № 9655 прописано последипломное образование (ст. 10 проекта дает его определение, определяет его формы, а также указывает элементы). Однако стоит указать на несовершенство терминологии и юридической техники данного законопроекта.

В европейских странах показательной является четкая законодательная регламентация системы непрерывного образования и направлений публично-частного партнерства в этой сфере. Так, во Франции еще в июле 1971 года был одобрен базовый закон о CVT (Continuing vocational training¹), целью которого было путем

¹ Непрерывное профессиональное образование

установления новых регламентаций в сфере профессионального и технического образования, а также безотрывного обучения удовлетворить потребности компаний в квалифицированной рабочей силе для осуществления уровня работы, которая отвечает экономическим и социальным изменениям в обществе. Исследователи отмечают, что принятие закона стало возможным в результате «горизонтальной договоренности между социальными партнерами» [1] и послужило в дальнейшем (особенно в 70–90-х годах XX века) широкому распространению CVT. Позже, в 2002 году, был принят закон, касающийся молодых людей без квалификации, закрепляющий финподдержку их обучения со стороны работодателя. Во Франции существует также система различных учреждений последиplomного образования (университетские институты по подготовке учителей, региональные центры, языковые центры и т. д.), предусмотрено одинаковое государственное финансирование учебных заведений и центров различных форм собственности. Полная продолжительность всех периодов непрерывного обучения во Франции за счет бюджета или предприятия с начала активной профессиональной жизни до момента выхода на пенсию должна составить один год (или 1200 часов, если повышение квалификации происходит без отрыва от исполнения производственных или служебных обязанностей) [2].

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости разработки соответствующей нормативно-правовой базы, а также привлечения социальных партнеров (работодателей, NGO и др.) для развития и финансирования непрерывного образования граждан, повышения их базовых навыков и умений.

Литература

1. Walther Richard. From Continuing Vocational Training to «Lifelong Learning» in France and European Union // <http://www.worldedreform.com/intercon2/f12.pdf>
2. Maria Andritsou. La formation continue des professeurs de langues étrangères // *Le français dans le monde*. – 2005. – № 325. – P. 25–29.

Современная филология: новые ракурсы и грани

David Alarcon

ALIGHT AT THE END OF THE TUNNEL. A PEDAGOGICAL EXPERIENCE IN COLOMBIA

I have the opportunity of being a teacher in a private university that prepares bilingual teachers and also of being a teacher in a public school in Bogotá. This condition allows me to show the experience that I have on the process of teaching to student-professors and the process of teaching to students in high school. I will try to show in this short conference some advances and difficulties that can be found in these two different processes in Colombia.

From its beginnings, UNICA, Institución Universitaria Colombo Americana, was interested in looking for a methodology that allows the institution to guarantee the acquisition and teaching of another language. Thus, we studied the model for education called SIOP, Sheltered Instruction Observation Protocol, a study that generated a methodological proposal in the United States being used successfully in some of the States.

The proposal is based on different experiences from teachers who use different strategies in education. It is based on the preparation of class, the construction of foundations from previous knowledge and experiences of the students, the promotion of a better understanding of input, the use of different pedagogical strategies, the promotion of the interaction between students, hand-on activities where students manipulate different elements, involving the students during the class delivery with objectives properly sustained and adapted pace according to the different levels of the students, and finally with a proper evaluation and constant support.

The interesting thing of this proposal is that it is the product of such teachers who has been successful in class because educational process is carried out with an appropriate direction and the handling of different methodological strategies.

In UNICA we set out to study this model and we proposed a calendar to this effect. The result of this knowledge was taken to the university classes and there its effectiveness was demonstrated. I had

the opportunity to lead a class called *Social Studies Methodology* where this methodology would allow the students to make classes with their classmates. I noticed that the student-teachers truly displayed successful classes, where they used different strategies suggested by this model as, for example, were the use of papers in the walls up to the use of different software.

However, the personal experience to take this methodology to real classes with students of public schools has been very interesting. On the one hand my attitude before the innovation has allowed me to introduce some changes in the way I prepared and developed the instruction. As far as possible I prepare some strategies which facilitate class delivery and improve student's understanding. As for the use of technology in class, we have true problems since the institution does not have computers for different classes but only for technology class. This situation has not allowed to experiment with the use of different programs that can be used and with which the students could take advantage of.

The work in the school in relation to a new pedagogical model would be more successful if the other teachers were interested to participate with new ideas. However, the structure of shifts (6:30 a.m. – 12:20 p.m and 112:30 p.m – 6.30 p.m), the lack of a trans-disciplinary work, the lack of didactic resources, the fact that many teachers work in other institutions to be able to afford familiar expenses constitutes a real difficulty, added to the lack of a positive attitude before the change and the innovation on the part of many teachers.

Nevertheless, each semester the student-teachers are graduating from UNICA taking with them the seed of a new methodology that little by little is generating changes in the way of teaching in different private and public institutions. The way is long, as everything is in education in Colombia, but to extend its horizons it will allow the teachers and professors to watch beyond, like they are doing in this opportunity in Ukraine giving a good example for a developing country like Colombia.

Е. Н. Бабак

**КРИТИКА А. Л. ВОЛЫНСКОГО ГЛАЗАМИ ЕГО
СОВРЕМЕННОГО Г. В. ПЛЕХАНОВА**

Создавая свою книгу «Русские критики. Литературные очерки», Аким Волынский намеревался представить законченный труд, освещающий основные моменты истории русской критики. Он придерживался той точки зрения, что в основе критики любого художественного произведения должна лежать не публицистика, а философия – твердая система философских понятий определенного идеалистического типа. И настоящая литературная критика должна быть компетентна как в оценке поэтических идей, всегда имеющих отвлеченную природу, так и в раскрытии творческого процесса, который является взаимодействием сознательных и бессознательных сил художника. По мнению Г. В. Плеханова, сам Волынский, к сожалению, ни разу не показал нам собственным примером, что, собственно, значит оценить поэтическую идею, осветить философским понятием процесс, происходящий в голове художника. «Истинно философская критика является в то же время критикой истинно публицистической», – утверждает Плеханов [1, с. 235].

Плеханов считал, что утверждение Волынского о том, что критика «должна следовать за тем, как поэтическая идея, возникнув в таинственной глубине человеческого духа, пробивается сквозь пестрый материал жизненных представлений и взглядов автора», является неполным [1, с. 135]. Несмотря на то, что это составляет важнейшую задачу критики, материал, сквозь который будто бы «пробивается» поэтическая идея, дается окружающей художника общественной средой, да и сама-то поэтическая идея, в какой бы «глубине духа» она ни зарождалась, не может не испытать на себе влияния этой среды. Поэтические идеи Эсхила не похожи на поэтические идеи Шекспира. И если прав Волынский, говоря, что критика должна быть компетентна как в оценке поэтических идей, так и в раскрытии творческого процесса, то не подлежит ни малейшему сомнению, что она должна «опираться» прежде всего на историю. Он взялся показать нам главные моменты в истории развития русской критики, но у него вышло, что никаких

«моментов» у нас вовсе и не было, а был один хаос, были одни сплошные заблуждения, черная туча которых росла все более и более, все мрачнее и мрачнее облегая и без того уже неясное русское небо, пока не явился, наконец, наш критический мессия и не воссияло над нашей землей яркое солнце разума в лице Волынского. Появление Волынского составляет, таким образом, первый «момент» в истории русской мысли.

Если научная критика смотрит на историю искусства как на результат общественного развития, то ведь и сама она есть плод такого развития. Если история и современное положение данного общественного класса необходимо порождают в нем именно такие, а не другие эстетические вкусы и художественные пристрастия, то у научных критиков тоже могут явиться свои определенные вкусы и пристрастия, потому что ведь не с неба же сваливаются и эти критики, потому что ведь и они тоже порождаются историей [2, с. 711].

Литература

1. Плеханов Г. В. Сочинения / Г. В. Плеханов. – 2-е изд. – Т. 10. – М. : Гос. изд-во, 1925. – 403 с.

2. Гурштейн А. Плеханов / А. Гурштейн // Литературная энциклопедия : в 11 т. – [М.], 1929–1939. – Т. 8. – М. : ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1934. – С. 693–730.

С. В. Денисова

ПРОГРЕССИВНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Информационные технологии – это интеграция компьютерных технологий и обработки информации. И меняются они каждый день, если не каждую минуту. Прогрессивные информационно-коммуникационные технологии в образовании должны стать неотъемлемой частью современного учебного процесса.

В современных условиях, когда стоит задача повышения информативности и эффективности каждого занятия изучения

иностранных языков при сокращении количества часов, техническим решением этого задания становятся компьютерные технологии. Компьютеры могут общаться со студентами, повышая тем самым уровень процесса обучения. Относительно недорогие аппаратные средства и программное обеспечение, позволяющие осуществлять мультимедийное общение (звук, печать, графика, цвет), являются результатом феноменального роста значения использования новейших информационных технологий как инструмента образования дома, в аудитории и на рабочем месте.

Создание и использование мультимедийных презентаций Power Point является эффективным способом обучения, который помогает студенту ассоциировать себя активным субъектом процесса познания. Кроме этого, существуют и другие виды мультимедийных продуктов, а именно: flash-презентации; промо-презентации; каталоги (CD-каталог); электронные доклады; мультимедийные учебники; Microsoft Office; Moviemaker; Hot Potatoes. Компьютерные технологии презентаций привлекательны как для использования на занятиях с непосредственным присутствием преподавателя, так и для целей дистанционного режима обучения. Проведение практических занятий может осуществляться так: каждый студент получает от преподавателя индивидуальное задание, выполняет, используя понравившуюся программу, и затем представляет свою презентацию. В результате проведения таких практических занятий изучения иностранного языка закрепляются не только теоретические знания, а и приобретаются практические навыки работы с компьютером.

Интернет – это ускоряющее ‘орудие’ общения с другими преподавателями и студентами всех стран мира. Он позволяет локализовать и собирать обучающий материал, читать самые последние журнальные статьи и публикации, пользоваться современным программным обеспечением для изучения и совершенствования иностранного языка.

Сегодня мощные персональные компьютеры добавили новое измерение, которое невозможно передать книгами и традиционными аудиторными лекциями. При помощи интерактивной компьютерной графики система обучения, основанная на компьютерных технологиях, может продемонстрировать определенные концепции более эффективно, чем книги или даже преподаватели.

Программы обучения на основе прогрессивных информационных технологий открывают новую эру в образовании. В условиях модернизации системы образования очевидна необходимость технически-информационного обеспечения учебного процесса и руководства качеством обучения. И именно активное использование прогрессивных информационных технологий обучения должно быть нацелено на достижение поставленных целей.

Н. И. Закриничная

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В РЕЧИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Экспрессивность (букв. «выразительность», от лат. *expressio* – «выражение») – это свойство определенной совокупности языковых единиц, обеспечивающее их способность передавать субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи, а также совокупность качеств речи или текста, организованных на основе таких языковых единиц.

На возникновение экспрессивности как характеристики речи или текста влияют свойства коммуникативной ситуации: намерения говорящего/пишущего, презумпции читателя/слушателя (т. е. исходные знания и представления, с которыми он вступает в коммуникацию), а также лингвистический и экстралингвистический (социальный) контекст коммуникативного акта.

Единицы языка подразделяются на системно-языковые носители экспрессивности и системно-нейтральные единицы (т. е. слова и выражения, которые сами по себе не являются носителями экспрессивности, но при определенных условиях могут брать на себя эту функцию). При этом в создании экспрессивности речи или текста ведущую роль играют не столько заложенный в системе экспрессивный потенциал языковой единицы, сколько характеристики коммуникативной ситуации, прежде всего контекст.

Вопросом экспрессивности речи занимаются многие лингвисты. Особый интерес вызывают исследования, посвященные выявлению различий в проявлении экспрессивности в речи мужчин

и женщин. Первоначально работы в данной области возникли на Западе, и первые системные описания мужских и женских особенностей речи и языка были сделаны на базе языков из германской и романской языковых групп.

Одной из первых работ в этой области было исследование Т. Б. Крючковой (1975). Изучались особенности письменных текстов, принадлежащих мужчинам и женщинам. В текстах художественной прозы анализировалось и фиксировалось употребление частей речи. Автор обнаружил, что в текстах, написанных женщинами, количественно выше употребление местоимений и частиц, а в мужских чаще употребляются имена существительные. А. А. Вейлерт (1976), исследуя устные высказывания, обнаружил в женской речи большую частотность употребления глаголов и союзов. Обнаружилось также, что женщины имеют более развитый лексикон. В речи мужчин А. А. Вейлерт установил большую встречаемость прилагательных и наречий, более частое употребление абстрактных существительных.

В работе Е. А. Земской и др. (1993) установлено, что женское ассоциативное поле выглядит более обобщенным и «гуманистическим» (природа, животные, повседневная жизнь), в то время как мужчины ассоциируют себя со спортом, охотой, профессиональной сферой.

Подводя итог, можно подчеркнуть, что женская речь обнаруживает большое количество эмоционально окрашенной лексики, а мужская оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. Женщины стремятся к интенсификации, прежде всего положительной оценки. Мужчины чаще используют отрицательную оценку, включая стилистически сниженную, бранную лексику. Для речи женщин характерно больше форм вежливости и смягчения (например, утверждений в форме вопросов); более частое использование уменьшительных суффиксов; умение выслушать собеседника; отсутствие доминантности при разговоре; в целом речевое поведение женщин может быть охарактеризовано как более «гуманное». В то же время, их предупредительное, неагрессивное и вежливое речевое поведение укрепляет сложившиеся в обществе ожидания того, что женщины менее компетентны, слабее и неувереннее.

А. А. Ивахненко

ПЕРЕДАЧА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

(на материале романа Н. Гордона *Shaman*)

Когда переводчик работает над произведением исторического жанра, перед ним встает целый ряд проблем, одну из которых мы описывали в [2]. В сегодняшнем докладе нам хотелось бы подробно остановиться на еще одном затруднении, возникающем при переводе романов на историческую тему, а именно – передаче имен собственных.

Как известно, имена собственные, в узком смысле этого слова, делятся на имена и прозвища людей, клички животных, географические и астрономические названия; вторую группу составляют названия организаций и транспортных средств (кораблей, самолетов и т. д.) [1; 3]. Передаются имена собственные путем транскрипции, транслитерации, транспозиции (этимологического соответствия) и калькирования. Принцип транслитерации в последнее время «сросся» с транскрипцией и в чистом виде не употребляется. Транскрибируются обычно имена людей, часть географических названий, названия кораблей и, в определенных ситуациях, – организаций. Транспозиция используется для передачи имен монархов и религиозных деятелей, а калька встречается при работе с широко употребляемыми и узнаваемыми словами или словосочетаниями (например, *Трафальгарская площадь*) и географическими названиями, в состав которых входят «переводимые» компоненты типа *river*, *sea*, *ocean* и т. п. [1; 3].

В романе Ноя Гордона *Shaman* [4] нам в большом количестве встретились имена людей, географические названия и, в меньшей степени, – названия организаций и транспортных средств. По поводу последних хочется сразу отметить, что их мы сначала передавали «по правилам», то есть транскрибировали, например: *Warrior* – «*Ворриор*», однако в процессе редакторской правки поняли, что в художественном тексте такие названия звучат неестественно, и в окончательном варианте перевода они у нас переданы с помощью кальки: *Warrior* – «*Воин*».

Несколько иная и, пожалуй, двоякая или даже тройкая ситуация сложилась с передачей названий организаций. Их в тексте можно условно разделить на три типа. Первый – широко употребляемые, известные названия крупных организаций, часто – уже переведившиеся на русский язык. Такие названия мы передавали калькой, иногда – в сочетании с приемом смыслового развития, например: *Washington & Ohio Railroad* – *железная дорога Вашингтон – Огайо* (здесь и в других аналогичных случаях, в отличие от большинства названий организаций, мы даже не стали использовать кавычки). Второй тип – названия, которые, для удобства читателей, можно передать калькой, то есть именно перевести, например: *Boston Society for Medical Improvement* – «*Бостонское общество усовершенствования медицины*», *Cincinnati Polyclinic Medical School* – *Многопрофильная медицинская школа Цинциннати* и т. д. И, наконец, третий и самый малочисленный тип представляют названия организаций, с трудом поддающиеся «расшифровке» и допускающие несколько вариантов толкований. В данном случае мы прибегали к транскрипции, например: *Religious Institute* – *Релиджис институтом*. Тут было неясно, что имеется в виду: организация, исключительно предлагающая услуги путешествующих священников; научный институт по проблемам религиоведения; что-то вроде теологического колледжа, чьи преподаватели-священники могут выезжать в другие районы США и читать проповеди «на заказ»... Потому, чтобы избежать неверного понимания текста и сберечь такую «множественность» толкований названия, мы предпочли оставить его в виде, наиболее приближенном к оригинальному.

Что касается географических названий, а также имен и прозвищ людей, то они представлены в романе, как минимум, на трех языках: английском, одном из индейских, идише. Соответственно, проблемы, возникающие в связи с их передачей, для каждого языка оказались различными. В случае с англоязычными именами и прозвищами людей мы использовали три подхода: транскрибирование, традиционный перевод (зачастую применяющий транспозицию) и кальку. Последний прием использовался, в основном, для передачи индейских имен, переведенных автором романа на английский язык, например: *Eagle Nose* – *Орлиный Нос*, *Comes Singing* – *Идем Поет*, *Green*

Buffalo – Зеленый Бизон и т. п. Индейские имена, поданные в исходном тексте без перевода на английский язык, мы по возможности транслитерировали, а не транскрибировали, иначе они звучали бы слишком «экзотично» и были трудно произносимы. Например: *Маква-иква* – Маква-иква (а не Мэкуа-икуа), *Меси-иквава* – Меси-иквава (а не Мисай-икуава) и т. д.

Традиционный перевод применялся прежде всего (но не исключительно) при передаче имен исторических деятелей, например: *Judah Benjamin* – Иуда Бенджамин, *Abraham Lincoln* – Авраам Линкольн. Также мы прибегали к нему при передаче имен, уже знакомых представителям целевой культуры: *Edward* – Эдвард, *Harold* – Гарольд и т. д. С помощью такого перевода мы, в том числе, придавали тексту необходимую в данном случае ауру старины: *Anna Wiley* – Анна Вайли, *Mrs Bidamon* – миссис Бидамон, *Charles K. Wilson* – Чарльз К. Вильсон и т. д. Еще одной сферой применения традиционного перевода, безусловно, является передача географических названий, известных целевой аудитории. Это названия штатов, а также – крупных городов и рек, например: *Tennessee* – Теннесси, *Washington* – Вашингтон, *Mississippi* – Миссиссиппи и т. д.

Особую сложность, пожалуй, вызвал перевод имен евреев, эмигрировавших в США. Своим детям, как отмечает сам автор романа, они дают имена, являющиеся общими для иудеев и христиан: это имена библейских персонажей – Сара, Мария, Иаков. Но в случае с англоязычным текстом оригинала, да и описываемой англоязычной культурой в целом, такая однозначная трактовка имен, к сожалению, невозможна. Как известно, англоговорящие народы заимствовали многие имена из Библии, адаптировав их, однако, к особенностям своего произношения. Таким образом, Мария превратилась в Мэри, Рахиль – в Рейчел/Рэйчел, Руфь – в Рут, и т. д. Как же следовало поступить? Здесь мы решили исходить из того, что евреи, пусть даже и XIX века, в котором происходит действие рассматриваемого произведения, тщательно оберегая наследие своего народа, все же частично ассимилировались с народом, на чьей территории жили. При всем при том, что семейство Гайгеров в романе – правоверные иудеи и наверняка давали своим детям соответствующие имена, мы сочли возможным допустить, что при общении с представителями

других наций они пользовались общепринятыми, англизированными вариантами этих имен: Мэри, Рэйчел, Джейсон и т. д. Кстати, хотелось бы сразу уточнить такой момент: хоть фамилии немецкого происхождения, имеющие в своем составе дифтонг *ei*, на русский язык принято передавать с использованием буквосочетания *эй* или *ей* (например, *Einstein* будет *Эйнштейн*, а не *Айнштайн*), в данном случае фамилию *Geiger* мы предпочли передать в правильном варианте произношения: *Гайгер*, а не *Гейгер*, чтобы избежать нежелательных, на наш взгляд, ассоциаций со счетчиком Гейгера.

Как видим, проблема передачи имен собственных даже в рамках одного романа вызывает достаточно большое количество весьма разнообразных затруднений, и в нашем докладе мы постарались осветить хотя бы некоторые из них.

Литература

1. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001.

2. Ивахненко А. А. Передача *Landsknechtdeutsch* на русский язык (на примере романа Р. Дюбеля «*Die Erbin der Teufelsbibel*») / А. А. Ивахненко // Матеріали Х Міжнар. наук. конф. «Каразінські читання: Людина, мова, комунікація». – Х. : Вид-во ХНУ, 2011. – CD-ROM.

3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990.

4. Gordon N. Shaman / N. Gordon. – NY. : Signet, 1993.

М. М. Козлова

ГЕНДЕРНЕ ПИТАННЯ У РОЗВИТКУ ПЕРЕКЛАДАЦТВА ТА ПЕРЕКЛАДОЗНАВСТВА У ВЕЛИКІЙ БРИТАНІЇ XVI–XVIII СТ.

Значною мірою завдяки перекладознавству та його історії ми можемо з'ясувати місце перекладу у творенні мови, культури та історії, бо це – один із ключових засобів, за допомогою яких література долучається до усїєї культурної полісистеми [3, с. 5]. Говорити про початок формування системного підходу у західно-

європейській перекладацькій думці можна, починаючи із доби Просвітництва, коли Ніколя Перро д'Абланкур та його колеги у своїх працях вдягли, за висловом Цицерона, «прадавнє красномовство» у шати сучасної чуттєвості та наблизили античних авторів до своїх читачів. Такі «неокласичні» переклади пізніше стали основою не лише розуміння класиків, але й розвитку національної літератури Франції та Англії, спричинили нескінченні суперечки про переклад, авторство, мову та культуру протягом усього наступного сторіччя та послугували поштовхом до початку доби «прекрасних невірних». Період Просвітництва – це час інтенсивного міжкультурного діалогу між Англією та Францією, за якого було окреслено межі сучасного перекладознавства [9, с. 21]. Серед питань, з приводу яких дискутували тоді, були зміни класичної традиції, які звільнять переклад від старих недоліків; зміцнення національної літератури та збагачення національної мови, опрацювання різних підходів до визначення авторства, а також створення нових засобів відбиття індивідуальних особливостей авторського стилю у писемному мовленні. Роботи античних поетів та письменників у таких «прикрашальних» перекладах відтворюються у формі, яка задається тогочасною французькою літературною мовою та поглядами на мораль. Така тенденція «одомашнювання» охопила також і англійські літературні та перекладацькі кола. Французькі та англійські автори не лише охоче брали до роботи іншомовні твори, але й знайомились із перекладами один одного, презентуючи у різних виданнях свої коментарі з їх приводу, і час від часу навіть використовували чужі праці у своїх [1, с. 35].

А з чого ж почалася перекладацька історія Великої Британії, написана жіночою рукою? Жінки займались таким видом діяльності і раніше, хоча зазвичай анонімно, проте ніколи не дискутували з приводу правильності чи неправильності перекладу. Однак вагомим є і той факт, що жінки Англії почали перекладати та писати теоретичні праці з цього приводу іще в XVI столітті, і ера жінок – хоча й виключно заможних жінок вищого класу – почалася із поширенням освіти, яку до того часу могли отримати виключно чоловіки. Деякі значні збірки творів, написані жінками XVI–XVII ст., включають певні передмови (передмова французької перекладачки Ан Дасье до «Іліади», Маргарет Тайлер до

«Про героїчні діяння та лицарство» («A mirror of princely deedes and knighthood», 1562), Катерини Філіпс до «Смерті Помпея» («La Mort de Pompée», 1643), Афра Бен до «Відкриття нових світів» («The Discovery of New Worlds», 1688) тощо, які і стали своєрідним внеском до перекладацької думки та підняли гендерне питання у тогочасному літературному колі. Більшість із цих авторок зверталися до сучасних їм французьких письменників (Корнеля, Монтеня тощо), але вдавалися і до класики (Гомера, Вергілія тощо). Одні перекладачки досягали фінансового успіху або визнання критиків, як Катерина Філіпс або Маргарет Тайлер; а інші, наприклад, Афра Бен, навіть спричинили істотний вплив на подальший розвиток літератури та культури [6, с. 10]. У XVI–XVII сторіччях у суспільстві набув великого значення середній клас, і через те, що середньовічна християнська мораль поступилася місцем цінностям середнього класу (ощадливості, працелюбству та здоровому глузду) [8, с. 115], також змінилося і ставлення до жінок. Можна сказати, що жінка отримувала певний контроль принаймні над декількома сферами свого життя; проте представники середнього класу все ще вважали, ніби жінкам притаманна вища моральність, ніж чоловікам, вони правильніші, благоприсейніші та ангелоподібні створіння, які впливають на брутальних чоловіків – спочатку як матері та дружини, а потім як вчителі, виховательки та їм подібні, – і тому мають пристосувати їх до цивілізованого життя. Так чи інакше, таке ставлення суспільства надало жінкам право висловлювати свою думку [7, с. 17].

Для жінок того часу переклад був відносно законним засобом самовираження, бо таким чином вони не проголошували себе самостійними авторами, а представляли роботу когось іншого – хоча чоловічі літературні кола й висловлювали певне занепокоєння з приводу того, чи мають жінки взагалі право писати. Проте навіть у середині XVI століття, коли лише незначна кількість текстів, написаних латиною, були доступні англійською, «дружина Джона Крока та кузина Едмунда Бека, які не знали латини, все ж ознайомилися із поемами, які їх цікавили» [5, с. 120] – це означає, що вони скористалися допомогою тих, хто володів латиною та грекою. Наприкінці XVI століття завдяки розвитку друкарства дістати книги ставало не таким складним завданням, і як оригінальна, так і перекладна література здобувала все більшу

популярність, внаслідок чого її почали активно видавати та поширювати в літературних колах.

Таким чином, за доби Просвітництва уперше проводять паралель між питанням статі і перекладу – бо тоді вважалося, що переклади, як і жінки, можуть бути або прекрасними, або вірними. За тих часів вірність тексту визначалася певним подвійним стандартом для вторинного твору (в особі жінки) та первинного (в особі чоловіка, батька або автора). Цей підхід апіорі ставить оригінал на перше місце, низводячи перекладну літературу до рівня другорядної, і лише збільшує потребу у розгляді питання про авторство та переклад, яке викликало значний інтерес за доби Просвітництва [4, с. 75].

Як доказ актуальності проблеми права на авторство та автентичність перекладу можна навести працю графа Роскоммона «Есея про поетичний переклад» («Essay on Translated Verse» [5, с. 253–265]). Дуже часто траплялося так, що під час своєї праці жінки намагалися видати власні тексти за переробку оригінальних творів відомих іноземних авторів, бо опублікувати їх під власним ім'ям не дозволяв їх стан у суспільстві. Тому постало питання: як людині, необізнаній в іноземних мовах, відрізнити твір оригінальний, написаний творчою рукою жінки, яка не має змоги видати свій твір у друк, від твору перекладного, який є справжнім першоджерелом авторської думки, висловлений словами чужої мови? Роскоммон починає досить м'яко, пропонуючи перекладачеві «обирати автора так, як ти б обирав друга», але далі зазначає, що ця відвертість може обернутися і на руйнівну силу [2, с. 46].

Таким чином, за доби Просвітництва у Великій Британії уперше постало питання про місце жінки у суспільстві, внаслідок чого принаймні незначна кількість жінок отримали можливість друкувати як не власні твори, то переклади іноземних текстів. Вони зробили свій значний внесок до перекладацтва та перекладознавства і відкрили до обговорення нове на той час питання авторства, внаслідок чого виникла концепція забезпечення самотності перекладу та уникнення узурпування перекладачем ролі автора.

Література

1. Протей : переклад. альм. / Нар. укр. акад.; каф. теорії та практики пер. ; [редкол. О. А. Кальниченко (голов. ред.) та ін.]. – Х. : Вид-во НУА, 2006. – Вип. 1. – 448 с.
2. Cohen J. M. English Translators and Translations / J. M. Cohen. – 1962. – London : Longmans, Green and Co. – P. 1–51.
3. Even-Zohar Itamar. Polysystem Studies / I. Even-Zohar. – Durham : Duke University Press, 1990. – 120 p.
4. Krontiris T. Oppositional Voices: Women as Writers and Translators of Literature in the English Renaissance / Krontiris, Tina. – London & New York : Routledge, 1992. – 192 p.
5. Roscommon W. D. The Essay on Translated Verse / Wentworth Dillon Roscommon // Roscommon W. D., Waller E., Denham J., Johnson S. The poems of Edmund Waller. – Prinstone : Press of C. Whittingham, 1822. – 284 p.
6. Simon S. Gender in translation: cultural identity and the politics of transmission / Sherry Simon. – London : Routledge, 1996. – 195 p.
7. Steiner T. R. English translation theory 1650–1800 / T. R. Steiner. – Amsterdam : Rodopi, 1975. – 169 p.
8. Weissbrot D. Translation: theory and practice : a historical reader / Daniel Weissbort, Ástráður Eysteinnsson. – New York : Oxford University Press, 2006. – 749 p.
9. Williams G. Tradition and Originality in Roman Poetry / G. Williams. – Oxford : Clarendon Press, 1968. – P. 363–366.

В. В. Колесник

ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕТОД В ПРЕПОДАВАНИИ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В контексте современных процессов общеевропейского и глобального взаимодействия изучение иностранных языков определяется как приоритетное направление научной деятельности. В контексте высшей школы, соответственно, возрастает интерес к методике преподавания и закономерностям эффективного усвоения информации студентами факультетов иностранных

языков. В последнее время, когда рынок образовательных технологий изобилует предложениями по самым разнообразным приемам изучения английского языка, вопрос «По какой методике вы преподаете?» становится все более актуальным, что свидетельствует о повышении культуры потребления интеллектуальной продукции. Если ранее приоритетными методами изучения иностранного языка было механическое овладение вокабуляром, чтение, заучивание оригинальных текстов и литературный перевод, на сегодняшнем этапе язык рассматривается как комплексное явление – помимо знаний о культурной среде и литературе страны встал вопрос об усвоении конкретных практических узкопрофильных знаний, которые могут понадобиться специалистам, работающим с языком в смежных с переводом и преподаванием специальностях. Преподавание языка приобрело прикладной характер, в то время как раньше оно было сравнительно отвлеченным и теоретизированным. Именно сейчас преподавателю предоставляется возможность подбирать, творить, комбинировать, видоизменять методы работы для достижения наиболее эффективного усвоения студентами информации.

В сфере делового английского языка как никогда предлагается широкий выбор учебных пособий Оксфорда, Кембриджа, Лондона, Нью-Йорка и Сиднея.

На стадии **фундаментального** обучения студенту необходимо представить цели и задачи курса, сформировать целостную картину курса и четко изложить требования к знаниям и практическим навыкам по окончании изучения курса. В содержательной части освоение активных лексических единиц и принципов делового общения должно осуществляться в комплексе по принципу практичности и современности, что требует регулярных обновлений учебных пособий и материалов.

На стадии **практического** обучения студенту должно предлагаться достаточное для закрепления количество различных форм работ, которые позволят всесторонне использовать знания, полученные на фундаментальном этапе. Помимо традиционного аудирования и работы в парах студенту должен предлагаться анализ визуального материала и работа в группах над масштабными задачами – например, проведение полноценной конференции с целью решения организационных, инновационных, дисципли-

нарных проблем в рамках вымышленного предприятия с четким распределением ролей и сфер деятельности каждого. Это позволит окунуться в сферу работы реального предприятия, в рамках которого мало быть просто блестящим специалистом в языке – необходимо усвоение правил деловой речи и этики делового общения для избегания непонимания или курьезов. В качестве примера можно указать, что для человека, поверхностно владеющего языком, разница между выражениями *Don't you want to go?* и *Would you like to go?* невелика, но для британца она принципиальна, поскольку первое он воспримет как не самый лучший тон. В данном случае наиболее эффективным является лингвосоциокультурный метод.

Для обучения подобным тонкостям необходимо помнить, что обучение иностранному языку также требует и **междисциплинарного** подхода. Данный метод принимает в расчет тот простой факт, что 52% ошибок совершаются под влиянием родного языка, а 44% кроются внутри изучаемого. Но на современном этапе, когда интерес к отдельным культурам и нациям постоянно повышается, подобные ошибки уже непростительны. Цель изучения языка с помощью данного метода – облегчение понимания собеседника, формирование восприятия на интуитивном уровне. Только при данном подходе язык идет рука об руку с культурой части страны или всей страны, то есть с идеями, обычаями определенной группы людей, общества как части цивилизации.

М. І. Лісна

СПОСОБИ ПЕРЕДАННЯ БЕЗЕКВІВАЛЕНТНИХ ЗНАЧЕНЬ У ДВОВОМНИХ СЛОВНИКАХ

Багато питань, актуальних для двомовної лексикографії, доцільно вирішувати з огляду на теорію перекладу, здобутки якої беремо до уваги зокрема під час аналізу наявних способів опрацювання безеквівалентних значень реєстрових слів у двомовних словниках. У роботах, присвячених проблемам перекладознавства, українські та зарубіжні науковці пропонують

використовувати такі способи міжмовної транспозиції безеквівалентної лексики: 1) віднайдення ситуативного відповідника; 2) нульовий переклад; 3) транскодування (транскрипція або транслітерація безеквівалента); 4) субституція (передання гіперонімом, гіпонімом чи аналогом); 5) калькування; 6) описовий відповідник; 7) комбінована реномінація (поєднання фонетико-графічного запозичення або кальки з дескриптивом, поясненням чи родовим поняттям); 8) міжмовна транспозиція на конотаційному рівні; 9) контекстуальне розтлумачення.

Віднайдення ситуативного відповідника та елімінація безеквівалента належать до суто перекладацьких способів міжмовної транспозиції, їх не вживають у перекладних словниках. Інші способи передання безеквівалентів українською мовою є спільними для перекладознавства і лексикографії, утім транскодування, субституція і калькування мають певну особливість застосування у двомовних словниках.

Зміст операції транскодування полягає в запозиченні або засвоєнні фонетичних чи графічних елементів певної мови іншою. Субституція передбачає використання в тексті перекладу назви родового поняття – гіпероніма (в окремих випадках назви видового поняття – гіпоніма) або слова з функціонально схожим значенням (аналога) цільової мови для репрезентації безеквівалентів. Під час калькування перекладачі відтворюють морфологічно-семантичну модель вхідної лексеми мовою сприймача, унаслідок чого виникають однослівні й неоднослівні кальки. У проаналізованих лексикографічних працях транскодування, субституцію та калькування застосовують, на відміну від перекладних текстів, лише як доповнення до більш інформативних методів міжмовної транспозиції безеквівалентних значень.

Два поширені способи передання безеквівалентних значень – описовий відповідник і комбіновану реномінацію – використовують як у перекладознавстві, так і в лексикографії практично однаково.

Міжмовну транспозицію на конотаційному рівні та контекстуальне розтлумачення вважаємо для лексикографії вторинними, тобто такими, що дублюють відповідно аналог та описовий відповідник.

Аналіз двомовних лексикографічних праць засвідчує ще один спосіб передання безеквівалентів, що використовують лише

у словникарстві і який не виокремлено в теорії лексикографії. Сутність цього способу полягає в перекладанні безеквівалента в оточенні слів, із якими він найчастіше сполучається, що дає нам підстави запропонувати його назву – «контекстуалізація». Цей метод словникарі здебільшого використовують для семантизації лексем з обмеженою дистрибуцією, зокрема тих, що входять до складу стійких словосполучень.

Мовний аналіз виявив такі способи перекладання безеквівалентів українською в досліджуваних двомовних словниках: 1) транскодування (транскрипція чи транслітерація безеквівалента); 2) субституція (передання гіперонімом, гіпонімом чи аналогом); 3) калькування; 4) описовий відповідник (дескриптив); 5) комбінована реномінація; 6) контекстуалізація.

За стратегією передання національного колориту способи перекладання безеквівалентів у словниках можна поділити на такі, що ґрунтуються на стратегії екзотизації (транскодування, калькування, комбінована реномінація) та адаптації (субституція, описовий відповідник, контекстуалізація). За інформативністю ми розрізняємо способи, що передають зміст безеквівалентного значення або лексеми експліцитно (описовий відповідник, комбінована реномінація) та імпліцитно (субституція, калькування, контекстуалізація), а також виділяємо спосіб, що його не передає (транскодування).

Здоровьесберегающая направленность образования в современном мире

Н. А. Кошкарева

РОЛЬ ТРЕНЕРА В ПОДГОТОВКЕ ВОЛЕЙБОЛЬНЫХ КОМАНД

Во главе команды стоит тренер. Он тренирует команду, руководит ее игроками, управляет коллективом, несет ответственность за спортивные результаты, за действия своих подчиненных.

Работа тренера группового вида спорта, к ним относится и волейбол, во многом отличается от деятельности тренера индивидуальных видов спорта. Первые работают минимум

с 12 спортсменами, вторые – максимум с 1–3. Если у тренера индивидуального вида спорта один человек показывает высокие спортивные результаты, это уже отлично. Чтобы тренеру группового вида спорта достичь такого результата, необходимо воспитать и обучить не менее 10 спортсменов.

Каким должен быть тренер? В первую очередь, предельно организованным, дисциплинированным, фанатично преданным делу, а еще образованным, интеллигентным, требовательным, дружелюбно настроенным, искренним, тонким психологом и умелым педагогом.

Авторитет тренера зависит от его внимания к своим ученикам. Можно подготовить очень сильную команду, но если не складываются отношения со спортсменами, успех команды ставится под сомнение.

Тренеру женской волейбольной команды необходимо постоянно искать оптимальные методы обучения. Если мужчинам предложить учебный материал, не объяснив его, то они на веру примут его и будут работать с полной отдачей, но женщинам нужно его разъяснить и разложить «по полочкам». Тренеру не стоит скупиться на похвалу, а с порицаниями следует быть осторожным. Тренер в своей работе должен больше всего опасаться серых, неинтересных упражнений. Он должен находиться в постоянном поиске, быть уверенным в своих силах.

Только при условии уважения к тренеру со стороны игроков, он может добиться очень многого.

А. В. Красуля

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ГИРЕВОГО СПОРТА В ПРОЦЕССЕ ЗАНЯТИЙ В ТРЕНАЖЕРНОМ ЗАЛЕ

Занятия в тренажерном зале – прекрасное средство физической активности. Они позволяют поддерживать себя в хорошей физической форме, обеспечивают физическое развитие с уклоном в сторону развития мышечной силы вследствие увеличения мышечной массы. Одним из способов повышения эффективности

занятий является более всестороннее воздействие на физические качества человека, в частности на выносливость, то есть в процессе занятий на тренажерах, со штангой, с другими отягощениями занимающийся может параллельно с силой развивать выносливость, а также силовую выносливость.

Для решения этих задач отлично подходит рывок гири, а также вспомогательные для этого упражнения. Это делает упражнения доступными практически для каждого занимающегося (если нет противопоказаний по состоянию здоровья). Преимущество этого упражнения в том, что:

- дается всесторонняя нагрузка на все крупные группы мышц человека;
- активно участвуют мышцы-разгибатели спины, что способствует улучшению осанки, профилактике заболеваний, связанных с позвоночником;
- обеспечивается активная работа сердечно-сосудистой и дыхательной системы, что способствует их тренировке.

Изменяя вес гири, можно развивать:

а) с малым весом – выносливость (выполняя большое количество повторений);

б) с большим весом – силовую выносливость и силу (количество повторений не превышает 15–20 раз).

Таким образом, включение данного упражнения в занятие позволяет качественно улучшить физическое развитие, а также внести разнообразие в тренировочный процесс.

А. С. Кучеренко

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ

Здоровье современного студента вызывает очень большую тревогу. Увеличение численности студентов, имеющих хронические заболевания, возрастает из года в год. Как правило, большинство этих заболеваний вызваны соответствующим образом жизни (недостаточный объем двигательной активности, неполноценный сон, несбалансированный рацион питания и т. д.).

Вышеперечисленные факторы рано или поздно приведут к появлению хронического заболевания, а возможно, и нескольких заболеваний. Поэтому занятия по физическому воспитанию в этих условиях должны носить рекреационный характер, то есть способствовать восстановлению и укреплению здоровья. При этом следует отметить низкую образованность студентов в сфере физической культуры, их физкультурную безграмотность. Это выражается не только в недостаточном объеме двигательной активности. Даже при условии занятия каким-либо видом двигательной активности, студент не всегда знает оздоровительное воздействие данного рода занятий. Нередкими бывают случаи, когда студент подвергает свой организм воздействию чрезмерных нагрузок, не имея достаточного уровня физической подготовленности и необходимых знаний.

Необходимость ликвидации недостаточного уровня физкультурной образованности студентов – одна из главных задач преподавателя физического воспитания в вузе. Ему необходимо больше уделять внимание не только самим упражнениям, но и разъяснению ожидаемого оздоровительного эффекта от выполнения упражнений. В дальнейшем это приведет к повышению качества выполнения каждого упражнения в отдельности и занятия в целом. Студенту следует разъяснять необходимость систематических занятий. И не только групповых занятий, но и самостоятельных, что является еще более важным. Ведь если человек знает, для чего и почему следует что-либо делать, то и его активность возрастает в несколько раз.

И. И. Назаренко

ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ

Гармоничность развития личности ценилась всеми народами и во все времена. Правда, с бурным наступлением цивилизации, когда роль умственного труда возросла, а дефицит времени стал ощущаться особенно остро, наметился определенный дисбаланс между интеллектуальным и физическим развитием людей, что привело к резкому росту сердечно-сосудистых заболеваний,

нарушениям психики, двигательного аппарата, к болезням позвоночника и суставов.

Важную роль в профилактике этих заболеваний играет повышение физической культуры личности, расширение и углубление знаний о человеческой природе, о сущности жизни, о творческом и физическом потенциалах человека, о гармонии умственного и физического развития. Систематическое вовлечение мышечной системы в двигательную активность оказывает огромное влияние на весь организм, стимулирует интеллектуальную деятельность человека, повышает продуктивность умственного труда. Для людей, занимающихся физической культурой, характерны высокий уровень мотивации достижения целей, эмоциональная устойчивость, уверенность, экстраверсия, твердость характера и самоконтроль. В процессе занятий совершенствуется способность управлять своими эмоциями и эмоциональными состояниями, а также использовать навыки саморегуляции в других сферах жизни. Особенно нужен такой «кликбез» для студенческой молодежи, то есть для той среды, которая, в основном, питает интеллектуальный потенциал нации. Плохо, если молодой человек понятия не имеет о физической культуре при поступлении в высшее учебное заведение, но совершенно недопустимо, если он остается физически некультурным при окончании его. Он должен четко усвоить: где кончается движение, там начинается застой. Жизнь – только в движении. Донести до студентов это понимание – главная задача преподавателей физического воспитания.

А. Н. Черновол

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКУРСНИКОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

На современном этапе развития цивилизации будущие выпускники вузов должны иметь как высокий уровень профессиональной подготовки, так и крепкое здоровье. Достаточно актуальной и нерешенной проблемой в образовательной системе Украины остается наличие разрыва между физической подготовленностью

выпускников школ и требованиями, которые предъявляются к ним программой вуза.

Многолетние исследования свидетельствуют, что приблизительно каждый третий студент, обучающийся на первом курсе, имеет признаки дезадаптации к условиям вуза. У студентов-новичков возникает переутомление в связи с большой нагрузкой на эмоционально-психическую сферу, необходимостью быстрого переключения внимания с одного предмета на другой, неуверенностью в своих силах, а также в связи с систематическим рассогласованием биологических ритмов.

Студенты заняты преимущественно умственной работой, требующей концентрации внимания, активизации мышления, что нередко сопровождается выраженным эмоциональным напряжением. Условия аудиторных занятий вынуждают студентов находиться в зафиксированном положении тела, что приводит к нарушению кровообращения, снижению умственной работоспособности и результативности восприятия учебного материала.

Однако ученые отмечают, что физические упражнения заметно влияют на изменение умственной работоспособности и сенсомоторики у студентов первого курса. Поэтому для них занятия по физическому воспитанию – одно из важнейших средств адаптации к условиям жизни и обучения в вузе.

При проведении занятий по физическому воспитанию с первокурсниками необходимо учитывать состояние их здоровья, уровень физической подготовленности, а также эмоционально-психическое состояние. Только в этом случае возможна их адаптация к условиям обучения в вузе и последующая динамика физического развития от курса к курсу.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бистрянцев С. Б.</i> «Зворотний бік вітру», або що ховається за цікавістю вчених	13
<i>Дыбина А. В.</i> Роль науки в современном обществе: онтологический подход	26
<i>Квитка Э. Е.</i> Образование как фактор конкурентоспособности национальной экономики	29
<i>Гога Н. П.</i> Роль акцентуаций характера в формировании взаимоотношений преподавателей – студентов (на основе исследований студентов-филологов)	30
<i>Бескобильна Н. М.</i> Застосування нової моделі комунікативного методу викладання іноземних мов	31

Социально-гуманитарные векторы осмысления инновационных процессов в социуме

<i>Банникова Е. Б.</i> Инновации и организационная культура	33
<i>Демидов А. М.</i> Влияние этнических матриц на развитие политических институтов	38
<i>Куцевляк Е. С.</i> Основные проблемы трудоустройства молодых специалистов на рынке труда	43
<i>Мудрак М. Ю.</i> Мобильность студента в глобальном мире	47
<i>Недогонов Д. В.</i> Инновации в условиях новых социальных реалий	48
<i>Пастухова О. В.</i> Элементы социального капитала организации: роль в формировании мотивации работников	50
<i>Подлесный Д. В.</i> Научная деятельность высшей школы Украины в период Революции и Гражданской войны	53
<i>Стахова З. В.</i> Учет психологических особенностей личности сотрудников в организации корпоративного обучения в компании	56
<i>Шевченко Д. Е.</i> Психологические особенности мотивационно-потребностной сферы личности IT-специалистов	60
<i>Шкурапет Н. И.</i> Влияние семьи на формирование стереотипов здоровьесформирующего поведения детей школьного возраста	63

Проблемы экономики и права в контексте инновационного развития современного общества

<i>Астахова Е. В. (мл.)</i> Экономический рост государства и образование: особенности взаимозависимости	68
<i>Shamini Dias.</i> Adaptive Teaching for the Creative Knowledge Economy	71
<i>Дурандина О. В.</i> Проектные студии в учебном процессе как способ применения компетентностного подхода	73
<i>Жуковская Е. В.</i> Доверие как экономическая категория	74
<i>Иванюченко О. В.</i> Визначення поняття «комп'ютерна програма» в авторському праві	76
<i>Нестеренко П. В.</i> Проблемы непрерывного образования в законодательстве Украины и Франции	78

Современная филология: новые ракурсы и грани

<i>David Alarcon.</i> A Light at the End of the Tunnel. A Pedagogical Experience in Colombia	81
<i>Бабак Е. Н.</i> Критика А. Л. Волынского глазами его современника Г. В. Плеханова	83
<i>Денисова С. В.</i> Прогрессивные информационные технологии в образовании	84
<i>Закриничная Н. И.</i> Особенности проявления экспрессивности в речи мужчин и женщин	86
<i>Ивахненко А. А.</i> Передача имен собственных при переводе исторического романа (на материале романа Н. Гордона Shaman)	88
<i>Козлова М. М.</i> Гендерне питання у розвитку перекладацтва та перекладознавства у Великій Британії XVI–XVIII ст. ...	91
<i>Колесник В. В.</i> Лингвосоциокультурный метод в преподавании делового английского языка в высшей школе	95
<i>Лісна М. І.</i> Способи передання безеквівалентних значень у двомовних словниках	97

Здоровьесберегающая направленность образования в современном мире

<i>Кошкарева Н. А.</i> Роль тренера в подготовке волейбольных команд	99
<i>Красуля А. В.</i> Использование элементов гиревого спорта в процессе занятий в тренажерном зале	100
<i>Кучеренко А. С.</i> Здоровьесберегающая направленность занятий по физическому воспитанию	101
<i>Назаренко И. И.</i> Высшая ценность здоровья	102
<i>Черновол А. Н.</i> Проблемы адаптации первокурсников к условиям обучения в вузе	103

Наукове видання

День науки в НУА

**НАУКА У СУЧАСНОМУ СУСПІЛЬСТВІ:
ІННОВАЦІЙНІ ПІДХОДИ І РІШЕННЯ**

ПРОГРАМА ТА МАТЕРІАЛИ
НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ
МОЛОДИХ УЧЕНИХ

13–14 квітня 2012 року

Відповідальна за випуск *О. В. Пастухова*
Редактор *Н. В. Ковшарь*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 04.04.2012. Формат 60×84/16.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс».
Ум. друк. арк. 6,28. Обл.-вид. арк. 6,38.
Тираж 300 пр. Зам. № 94/12.

Видавництво
Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії.

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.